

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

АТОМНЫЙ

ГОРОД

Алексей Доронин

СОРОК ДНЕЙ СПУСТЯ

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ - 2

«КРЫЛОВ»

Алексей Алексеевич Доронин

Сорок дней спустя

Серия «Черный день», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605765
Сорок дней спустя: ИК «Крылов»; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-4226-0146-2

Аннотация

Люди заслужили свой Черный День. И Черный День настал. За несколько часов человечество распяло само себя, превратив цветущую планету в ледяной ад. Не остановилось только время. И вот со дня, когда взмыли в небо первые крылатые ракеты и взбухли первые ядерные грибы, минуло сорок дней...

Раньше считалось, что самое живучее существо на планете – таракан и только тараканы переживут атомную войну и приспособятся к ядерной зиме. Оказалось, люди не менее живучи. Люди способны выживать в условиях, когда любой таракан давно бы сдох.

Когда температура минус сорок. Когда сгорела пятая часть лесов на планете и в атмосфере осталось мало кислорода. Когда запасы продовольствия иссякают, а новое взять неоткуда. Когда уже не во что верить.

Однако ты еще жив. Пусть последняя банка тушенки пуста, а патронов осталось только на то, чтоб с гарантией вышибить себе мозги, но твой дух не сломлен. И ты еще поборешься...

Содержание

Часть 1	24
Глава 1. Полночь, XXI век	24
Глава 2. Настя	60
Глава 3. Тьма в конце тоннеля	80
Глава 4. Дозор	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Алексей Доронин

Сорок дней спустя

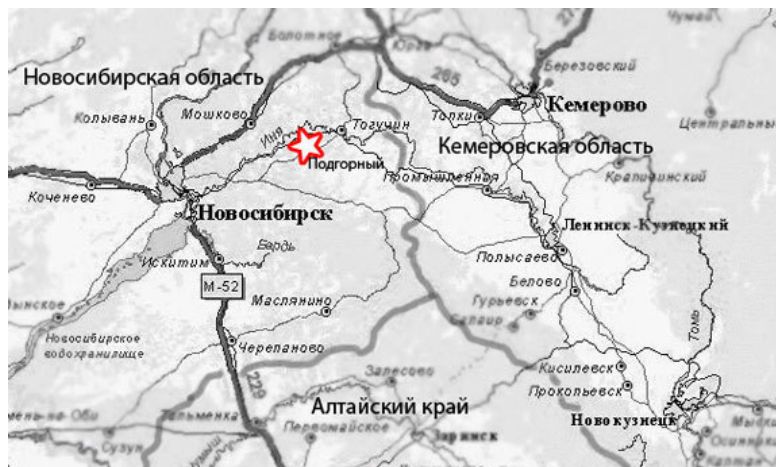
*Я видел сон... Не все в нем было сном.
Погасло солнце светлое, и звезды
Скитались без цели, без лучей
В пространстве вечном; льдистая земля
Носилась слепо в воздухе безлунном.
Час утра наставал и проходил,
Но дня не приводил он за собою...
И люди – в ужасе беды великой
Забыли страсти прежние... Сердца
В одну себялюбивую молитву
О свете робко сжались – и застыли.*

...

*И лица – при неровном трепетанье
Последних замирающих огней
Казались неземными... Кто лежал,
Закрыв глаза, да плакал; кто сидел,
Руками подпираясь, улыбался;
Другие хлопотливо суетились
Вокруг костров – и в ужасе безумном
Глядели смутно на глухое небо,
Земли погибшей саван... а потом
С проклятьями бросались в прах и выли,
Зубами скрежесали. Птицы с криком
Носились низко над землей, махали
Ненужными крылами... Даже звери
Сбегались робкими стадами... Змеи
Ползли, вились среди толпы, шипели,
Безвредные... Их убивали люди*

На пищу... Снова вспыхнула война,
Погасшая на время... Кровью куплен
Кусок был каждый; всякий в стороне
Сидел угрюмо, насыщаясь в мраке.
Любви не стало; вся земля полна
Была одной лишь мыслью: смерти – смерти
Бесславной, неизбежной... Страшный голод
Терзал людей... И быстро гибли люди...
Но не было могилы ни костям,
Ни телу... Пожирал скелет скелета...
И даже псы хозяев раздирали.
...И мир был пуст;
Тот многолюдный мир, могучий мир
Был мертвой массой, без травы, деревьев
Без жизни, времени, людей, движенья...
То хаос смерти был. Озера, реки
И море – все затихло. Ничего
Не шевелилось в бездне молчаливой.
Джордж Гордон Байрон. «Тьма»

ЛЮБЫЕ совпадения чего-либо с чем-либо (торговые марки, названия торговых и иных заведений, персоналии, нормативно-правовые документы и т. д.) являются случайными. Некоторые географические названия вымышлены. Автор не разделяет человеконенавистнических взглядов отдельных персонажей.

Интермедия 1. «Акула»

40 дней назад.

Северная Атлантика,

35 км от побережья Нью-Джерси

В это было трудно поверить. Такая цепь совпадений, мелких неисправностей и человеческих просчетов не могла выстроиться сама по себе. Впору было вспомнить злой рок или высший разум. Но скорее дело было в теории вероятности. Если до этого Землю не раз спасали счастливые случайности, когда-нибудь их должна была уравновесить несчастливая. Рано или поздно это должно было произойти. Так старая плотина, железобетонные конструкции которой устали, а ремонта не предвидится, даст течь не сегодня, так завтра. Не в одном месте, так в другом. За семьдесят лет ядерного противоборства мир десятки раз стоял на грани. На этот раз ресурс везения исчерпался.

Они не начинали этой войны. Просто волей судеб оказались на пересечении силовых линий, загонявших людскую историю в единственно возможное русло. Противолодочная АПЛ «Миннесота» перспективного класса «Нарвал» была винтиком в мощнейшей военной машине мира, только и всего. Но винтиком ключевым, без которого выстроенный в высоких кабинетах план блицкрига мог полететь в тартарары.

Что толку от победы, если половина твоих городов превратится в поля раскаленного шлака?

В первые же секунды Россия была обезглавлена синхронным ударом боевых спутников. Стратеги НАТО решили не играть с глубоко эшелонированным прикрытием столицы, в состав которого входил и дивизион комплексов А-50 «Гарант», сбивавший межконтинентальные баллистические ракеты даже в ближнем космосе. Сгустки расплавленного металла, в которые превратились разогнанные рельсотроном урановые болванки, перехватить было невозможно даже теоретически.

Но одного этого было бы мало. Даже с отрубленной головой змея могла больно, если не смертельно, ранить охотника. Ее надо было изрубить на куски, чтоб затихли последние конвульсии в умирающем теле. Для этого требовалось уничтожить резервный пункт командования РВСН на Северном Урале и три подводных ракетноносца, которые в день 23 августа 2019 года находились на боевом дежурстве.

Быстро и так же синхронно. Война просчетов не прощает, тем более – ядерная.

Капитан и команда не имели права на ошибку, поскольку являлись последней линией обороны, хоть об этом и не знали. И до них ошибок было сделано немало. Сначала недооценили прочность конструкций и глубину залегания бункера в Ямантау. Потом испытанный тактический bunker-buster, вместо того чтобы пробить себе дорогу через массу породы

и выжечь гору изнутри, выплеснулся наружу озером огня, разрушив лишь поверхностную часть объекта. Это сработала защитная система базы, подорвавшая на пути гостя мощную вакуумную бомбу.

Сразу же, чтобы спасти положение, было дистанционно взорвано второе изделие, выполненное в виде диверсионного ядерного фугаса. Его разместили несколько часов назад «немецкие туристы»: оно, несмотря на малые размеры, относилось уже к стратегическим. Сейсмографы зафиксировали взрыв даже в Китае.

А через полминуты бункер для гарантии поразила еще одна ракета.

В Пентагоне были уверены, что с вероятностью в девяносто девять процентов оттуда не успели отправить сигнал. Но даже на такой маловероятный случай они обязаны были подстраховаться.

Русская лодка была огромна – водоизмещением в несколько раз больше их собственной. Настоящий плавучий дом с ядерным реактором на борту. Но по сравнению с юркой субмариной US Navy русский «стратег» был неуклюж и уязвим. Он создавался под узкую задачу – незаметно добраться до места и там отстреляться. Большого от него не требовалось. Оружие Страшного суда, оно должно было одним своим существованием сдерживать противника от необдуманных шагов. Оно ковалось, чтоб никогда не быть применен-

ным.

Ну уж о последнем они позаботятся.

Командир АПЛ «Миннесота» Эбрахам Сильверберг не мог видеть изображения вражеской подлодки на мониторе. Все было прозаичнее – гидроакустик определил по шумовому профилю ее класс и тип в каталоге бортового компьютера, а на экраны информация поступала в виде цифр и графиков. Но сомнений быть не могло. Цель, за которой лодка следовала тенью неполные семь суток, находилась там, где ей и полагалось быть. С точностью до часа и километра.

Видимо, эту «Акулу» третьей серии, которая по натовской классификации именовалась «Торнадо», выследили уже давно, подумал капитан. Или не выследили, а получили агентурную информацию о ее оперативном задании. Иначе как объяснить, что неделю назад ему сообщили точные координаты места, где сегодня предстояло осуществить перехват?

Возможно, у ребят из ЦРУ имелся «крот» в штабе российского ВМФ, решил Сильверберг. Учитывая копеечные зарплаты и вечный страх русских перед сокращением, завербовать «крота» было нетрудно. Какой-нибудь полковник решил променять Motherland на обеспеченную старость на одном из Карибских островов. Пожалуй, Гуантанамо ему подойдет.

Что ж, так даже проще. Семь дней подлодку противника вели, не теряя из виду ни на минуту, передавая от одного охотника другому, ожидая момента, когда шифрованным

сообщением поступит приказ: «Уничтожить».

Капитан метнул взгляд на платиновый хронометр на узком запястье, которое скорей пошло бы пианисту или программисту, а не военному моряку.

Пять минут до атаки.

Прямое и ясное eliminate target не допускало двух трактовок. «Цель уничтожить». Он прекрасно понимал, что это значит. Здесь никто не будет инсценировать несчастный случай, как когда-то с «Курском». Это война.

Он не мог забыть ощущение, которое испытал, пробежав глазами скупые строчки приказа. Холодный липкий страх – это, оказывается, не метафора. Ладони стали скользкими, будто намазанные жиром; кишки сжались в тугий комок; сердце заколотилось, пропуская каждый четвертый удар. «Я начинаю Третью мировую. Земля погибнет. Все умрут...» – пронеслось тогда у него в голове.

Но он не зря второй десяток лет бороздил океаны. Если его звание мог получить и болван, паркетный шаркун, то должность командира подводной лодки подразумевала наличие на плечах головы вместо уставной тыквы.

Другому бы не доверили сегодняшнюю роль.

Сильверберг был уверен, что эти страхи – привет из далекого детства. Ужас времен последней вспышки холодной войны, сбитого корейского «боинга» и памятной речи Рональда Рейгана. В той еврейско-интеллигентской среде, где он вырос (мать – дантист, отец – адвокат, оба бывшие «де-

ти-цветы», верные избиратели демократов), было хорошим тоном костерить правительство, плевать на армию, а также верить в конвергенцию социализма и капитализма, мир во всем мире и прочий сопливый бред. Тогда, в эпоху первых персоналок, все «образованные люди» считали, что атомная война бессмысленна, ведь применение ядерного оружия приведет к гибели человечества. Верили в басню о страшной nuclear winter, из чего делался вывод, что надо срочно разоружаться и брататься с Советами. Тому, чтоб эти идеи просочились в их мозги, немало способствовали фантасты и «общественные деятели» (гребаные бездельники, лучше бы шли работать, вместо того чтобы пикетировать Белый дом или военные базы).

Вот откуда эти мурашки. Но позвольте, времена изменились. Сорок лет назад силы были примерно равны; НАТО и Восточный блок могли уничтожить друг друга по пять-шесть раз и всю остальную планету раза два. А потом «империя зла» рухнула сама, и добрым джедаям не пришлось, рискуя жизнью, взрывать Звезду Смерти. Этим они займутся теперь. А то опять расплодились на территории бывшего USSR Дарты Вейдары.

«И никакой WW3 не случится, – сказал себе Эбрахам. – Будет очередная операция по обламыванию рогов обнаглевшей стране третьего мира. Давно пора показать russkies, что они не лучше иракцев и иранцев, разве что белые. Странно, почему?»

Маленького Эйба с ранних лет прочили в продолжатели одной из семейных династий. Только не лежала у него душа ни к зубопротезированию, ни к судебным тяжбам. Начитавшись Клэнси и Хайнлайна, он решил стать офицером.

В Уэст-Пойнт он не прошел из-за политкорректных квот. Positive discrimination¹ была на пике, и принадлежность к слабому полу или угнетенному меньшинству значила не меньше, чем баллы на экзаменах. Зато он стал курсантом Военно-морской академии в Аннаполисе – женщины, эскимосы и геи тоже рвались в военные моряки, но чувство реальности в том, что касается самосохранения, государству пока не изменяло.

С тех пор он ни разу не усомнился в своем выборе. Это была судьба.

Видели бы старики его сейчас, подумал Сильверберг с мстительным удовольствием. Конечно, пришли бы в ужас, а то и в обморок бы грохнулись. Но его совесть чиста, в конце концов, он же не ракеты запускает по мирным городам. Он не палач, а спасатель. Спасает и свою Филадельфию, которая вместе с шестимиллионной агломерацией пойдет на ланч рыбам от одного русского моноблока.

К тому же он выполнял работу не один, а значит, и ответственность поровну. С противоположного направления

¹ Positive discrimination (англ.) – «позитивная дискриминация», одна из ипостасей политкорректности, выражающаяся в предоставлении преференций так называемым угнетенным меньшинствам, в том числе при устройстве на работу и поступлении в учебные заведения.

к цели двигалась их лодка-близнец. Третьей в звене была переоборудованная под носитель мини-субмарин старая «Огайо». Полчаса назад с нее должны были стартовать три робота – подводные боевые аппараты «Манта». Бесшумные, компактные, они могли управляться и компьютерным «мозгом». На испытаниях тот неплохо справлялся с задачами маневрирования и поражения целей. Но в такой ситуации, естественно, на него полагаться было нельзя, и роботами дистанционно управляли операторы с лодки-носителя. Все они должны были атаковать одновременно с разбросом всего в пять – десять секунд.

Вот только «Огайо» почему-то пропустила последний сеанс связи. Именно это и беспокоило «морского волка». Теперь связаться с ней невозможно – надо было соблюдать строжайшее радиомолчание. Даже гидроакустический поиск в такой близости от объекта слежения велся только пассивно – они молча прослушивали бездну, но не могли прощупывать океан импульсами.

Он снова взглянул на хронометр. Три минуты. Пора кончать с этой консервной банкой. Капитан представил, как на другом конце океана ее копию взял на прицел его бывший сокурсник. Вот и эту пора отправить к Нептуну, пока не наделала дел.

«А она может», – подумал Эйб и снова поежился.

Уж он-то знал. Уродливая штуковина, которая расталкивала тупым носом подогретую Гольфстримом воду в десяти

милях к югу, несла в своих пусковых установках сто миллионов смертей. Не зря ПЛАРБ² называют «убийцами городов».

Что ж, им там наверху виднее. Значит, призыв, который Дядя Сэм сорвет в случае выигрыша, оправдывает любой риск. Военные аналитики просчитали все тысячу раз, если решили идти ва-банк. Но все же... Страшно, черт возьми. Будто это ты открываешь ящик Пандоры. Ведь после того как торпеды уйдут, пути обратно не будет.

«Глупо. Как ребенок, ей-богу», – пристыдил он себя.

Время.

– Джентльмены, представление начинается, – произнес он хорошо поставленным голосом. – Цель номер один. Торпедные аппараты пять, шесть, семь и девять – огонь!

Мимолетное движение рук оператора, откинuty предохранительные колпачки, и нажаты две кнопки. Дальше свое дело сделает автоматика.

Торпеды отправились к цели. На экране они выглядели светящимися точками, рывками приближающимися к большой белой кляксе. Но как же медленно...

Холодком в сердце отозвалась страшная догадка: «Не успеть». Вроде бы ничем не обоснованная. Бредовая. Эти недавно взятые на вооружение торпеды были практически необнаружимы. На ракетоносце их засекут только тогда, когда его судьба будет уже решена.

Торпеды преодолели три четверти расстояния, когда по-

² ПЛАРБ – атомная подводная лодка с баллистическими ракетами.

дал голос акустик:

– Есть сигнал.

У командира отлегло от сердца. Попали, хоть и не они. Сейчас его напарник по звену сообщит о поражении цели. Прокалывайте дырочки под медаль Конгресса за спасение человечества, джентльмены. Конечно, почти все лавры получит мерзавец Дженкинс, но и ему достанется побрякушка на грудь. И, что важнее, хороший бонус.

А где-то там погружается на дно разорванный корпус морского чудища, в разгерметизированных отсеках которого плавают у потолка сплюснутые декомпрессией трупы русских подводников.

Открывайте шампанское, господа.

– Сигнал расшифрован. Множественные пуски, – скороговоркой выдал акустик, лицо его серело на глазах. – Судя по шумовому профилю, межконтинентальные баллистические ракеты...

Чтоб опорожнить пусковые установки, «Акуле-3» не требовалось всплытие. Она могла вести огонь с глубины до пятидесяти метров.

В командном отсеке повисла гробовая тишина. Можно было слышать слабое гудение аппаратуры и комариное попискивание сонара, которого Эйб раньше не замечал.

Хуже всего было чувство бессилия. Ракеты уходили в небо одна за другой, а они могли только считать их и молиться. И утешать себя надеждой, что есть еще система HAARP, есть

лазерные спутники на низких орбитах и противоракеты. Но капитан вышел из того возраста, когда верят в Санта-Клауса и добрых фей. Перед глазами у него уже бурлили реки огня и высились завалы из обугленных трупов.

Прошло две минуты – экипажу показалось, что двадцать, – и пунктир торпеды наконец совместился с белой кляксой «убийцы городов». Обе исчезли, моргнув и погаснув без всяких спецэффектов. Программное обеспечение компьютера таковые не предусматривало.

Гидроакустик нарочито бодрым голосом доложил о поражении цели. Губы у него больше не тряслись, но глаз слегка дергался. Он тоже был не мальчик и все понимал. Они опоздали. Мавр сделал свое дело.

Ничего уже не имело значения.

Сильверберг открыл рот, чтобы выдавить из себя ненужные и запоздалые слова, когда пол и стены отсека вздрогнули.

– Что за черт?

– Глубинные бомбы, сэр. Атомные. Шестьдесят – восемьдесят килотонн, – не отрывая взгляда от показаний ГАС, сообщил Родригес. У него были дикие глаза, как у наркомана. – Гипоцентр... прямо по курсу, девять с четвертью морских миль.

– Русские? – вырвалось у капитана.

Хотя сам, не договорив, понял, что это чушь. Откуда у «иванов» тут взяться авиакрылу? Весь их ржавый хлам сей-

час жгут прямо на аэродромах. А даже если что-то и уцелело... на этой планете небо принадлежит только одной стране.

Вибрация между тем усилилась. Остро отточенный карандаш упал со стола и покатился по металлическому полу. Он ждал чего угодно: что в отсеке погаснет свет, вслед за ним включится тусклое аварийное освещение, а бесстрастные мониторы сообщат о разгерметизации в одном из отсеков или неполадках с реактором. Представлял, как треснет потолочная панель и прямо на них упадет оголенный провод, разбрасывая искры. Или как через небольшую пробойную хлынет вода, расширяя отверстие собственным напором. Он был готов принять эту участь безропотно. Но ничего подобного не случилось.

Экипажи противолодочных самолетов Р-8А «Посейдон» не знали, что опоздали, и не жалели глубинных водородных бомб на обработку цели, вернее, квадрата, где та находилась. Взрываясь на глубине до ста метров, на таком расстоянии они не могли причинить серьезного вреда корпусу американской лодки, но намертво заглушили сонар. На несколько минут та оказалась глуха и слепа.

Сильверберг недоумевал. Нет, мягко сказано – он *ни хрена* не понимал в том, что творилось. Это противоречило всем правилам и инструкциям. Применять боеприпасы такой мощности так близко от дружественной подлодки... такого в практике флота не бывало. Хотя какая теперь была

разница?

Капитан поднялся с кресла, рассеянным движением напятил фуражку... кокардой назад, словно гарлемский рэпер свою дебильную бейсболку. Под удивленными взглядами старших офицеров спохватился, поправил. Обвел невидящими глазами четырех человек, которых знал не один год. Пятое автономное плавание в таком составе.

– Ковальски, принимайте командование. Курс прежний, глубина та же. Родригес, продолжайте наблюдение. Мэтьюсон, проведите контрольный замер радиоактивности у поверхности, следите за уровнем на борту. Проверить системы жизнеобеспечения. И вот еще что... Остальным пока не объявляйте. Позже...

Не дав никому сказать ни слова, он покинул командный пост. Нарушив присягу, послав к чертям морским долг перед страной, которой больше не было, и командой, которую ждало страшное и неопределенное будущее.

– Я буду у себя, – бросил Эбрахам. Удаляясь по узкому коридору, он шатался как зомби. И сам коридор казался ему бесконечным, и пол плыл под ногами, как эскалатор. Переборки, в противовес осточертевшей гамме выкрашенные в пастельные тона, расплывались перед глазами.

В маленькой, но уютной каюте он открыл ящик встроенного шкафчика. Достал табельную «беретту» 9 мм. Надо решать. Выстрел в висок – и все. В загробный мир он не верил, хотя родители когда-то прочили его в равнины. А теперь бог

его предков, суровый Саваоф, вот-вот снесет их домик ударом цунами, как в сказке мистера Баума про Элли.

У него совсем немного времени до того, как парни попытаются удержать его. Через две минуты они опомнятся и — да — вломятся к нему: Джон Ковальски хоть и тугодум, но не дурак. А люк они открыть смогут.

Он взвесил пистолет с рифленой рукояткой на ладони и вместе с ним взвесил все «за» и «против». Вряд ли его отдадут под трибунал. Он выполнял распоряжения безукоризненно. Разве его вина, что эти идиоты с «Огайо» потерялись вместе со своими роботами? Должно быть, каким-то образом выдали себя врагу, провалив всю операцию. И будет ли теперь у государства время на трибуналы, это еще вопрос.

Нет, он не станет себя убивать.

Да, его страна сыграла с русскими в их национальную игру. Рулетку со смертельным исходом. И проиграла. Но жизнь продолжается. Наверняка уже нет ни правительства, ни конгресса, ни сената. Президент... если даже жив, скоро и ему придет конец. Ибо кому есть дело до болтуна, половина избирателей которого мертва, а вторая половина умирает в муках, проклиная его? Он и раньше-то немного значил. Дрессированный шимпанзе, а не лидер нации.

Но на каждый минус найдется свой плюс.

Какие возможности открывает новая ситуация? Да какие душа пожелает. В прежнем скучном мире трудно было сделать карьеру конквистадора, пирата или колонизатора. Сна-

чала убивать, грабить, насиловать в свое удовольствие, потом остепениться и основать городок где-нибудь на Карибах или Сейшелах. Сент-Эбрахам, к примеру. Все лучше, чем получить паршивую медаль с позолотой, выкупить коттедж по ипотеке в пригороде и уйти на пенсию, треть которой сожрет очередной виток кризиса. А потом умереть от рака кожи в доме для престарелых, выброшенным на помойку, как старый хлам.

У него были другие планы.

Но всему свое время. Пока придется изображать верного присяге солдата. Прикидываться дурачком и выполнять приказы – хотя бы для того, чтоб зайти в порт и спокойно пополнить запасы. В Северной Атлантике Центр еще может выследить взбунтовавшуюся подлодку и отправить ее на дно. А дальше... Мировой океан велик – плыви куда хочешь. Такого раздолья не имели даже герои Приграничья.

Он убрал пистолет в ящик, привел себя в порядок и вернулся в командный отсек. При его появлении ребята тактично сделали вид, что ничего не произошло, и не задавали неприятных вопросов.

Через полчаса на субмарину пришел срочный приказ – в обход субординации не от командования 1-м Атлантическим флотом, а от какого-то Центра национального спасения. Но его подлинность подкреплялась всеми необходимыми кодами. Приказ требовал взять курс на Азорские острова. Ничего себе вояж... В «случае непредвиденных обстоятельств» (та

еще формулировочка) местом назначения становилась передовая база в испанском порту Рота. Это могло означать и то, что их порт приписки – главная база Атлантического флота в Норфолке, штат Вирджиния, превратилась в аккуратную кучку пепла вместе с остальными пятью базами на побережье. А может, эта участь не миновала Азоры и ничего ближе Испании не нашлось.

Еще это говорило о том, что у командования остались дела в Европе.

«Ничего, – подумал Эбрахам с мрачной иронией. – Давно хотел смотаться в Испанию».

Часть 1

Дети подземелья

*Но ты заперт на жизнь, снаружи.
И богами с небес
Не обнаружен...
«Где?» Группа «Шмели»*

Глава 1. Полночь, XXI век

Неспешной чередой тянулись дни. Медленно, будто резиновые. И каждый был неотличимо похож на предыдущий. Сплошной День сурка.

Незаметно подкрался черед отметить четыре декады с момента их заселения в убежище. Сороковины. Отметить... Разве что фломастером в календаре – обвести черным кружком: вот сколько протянули, не сдохли. Достижение.

Время шло, а убежище, выстроенное когда-то для НИИ нанотехнологий (который лишили бюджетных ассигнований и тихо прикрыли, продав здание под мебельный магазин еще до сдачи защитного сооружения в эксплуатацию), где пять тысяч совершенно посторонних человек нашли спасение сначала от ядерной, а затем от климатической катастрофы, оставалось все тем же.

Медленно проедался запас продуктов, реквизированных со склада ИЧП «Мухамедзянов». Так же собирались раз в день совещания в пункте управления, хотя после свертывания поисково-спасательной операции они стали менее напряженными. Так же в урочное время выстраивались очереди возле пунктов раздачи продуктов и питьевой воды. Правда, норма последней была чуть урезана, и суп самому уже было не сварить, да и чаю не выпить. Но с этим свыклись, а одиночные трапезы давно сменились коллективными.

Сергей Борисович Демьянов, майор в отставке, по-прежнему был фактическим начальником убежища и всю ответственность нес на своих плечах. Бывшему генералу МЧС Прохорову, за которым закрепилась должность (или титул?) коменданта, осталось только подписывание бумажек... Да тот и не жаловался. Организатором он был никаким, а за эти полтора месяца пропил и последние мозги. Поэтому его вполне устраивали вечера в подземном «кабинете» в компании с бутылкой. Его терпели – он представлял собой осколок государственной системы, а значит, мог пригодиться, если эта система еще жива и разыщет убежище. Хотя в это верилось все меньше, поэтому полезность генерала все чаще оказывалась под вопросом.

Короче, все было по-прежнему. Немного изменились только люди, их отношение к происходящему. То, что вначале казалось катастрофой, стало рутиной. Человек – упрямая скотина и в любой ситуации пытается убедить себя, что

все *нормально*. Вот и люди притерпелись, хоть вначале считали, что после таких событий их жизнь никогда не войдет в колею. Но поди ж ты... Про панику и истерику давно забыли. Когда жизнь действительно схватит за жабры, не будешь рвать на себе волосы и посыпать пеплом плешь. На это у организма не останется энергии.

А положение их было «привычно критическим». Демьянов вспомнил, как пять дней назад бывший инженер водоканала, а ныне зам по водоснабжению с кислой миной доложил на собрании, что без капремонта скважина протянет от силы четыре месяца при самом шикарном стечении обстоятельств. Мол, какие-то уроды хорошо погрели руки при строительстве убежища, поставив на него водозаборное оборудование, наполовину выработавшее свой ресурс. И неизвестно, какой из узлов откажет раньше – насос или аппарат обеззараживания и фильтрации. А если один из них накроется, своими силами поломку не исправить. Естественно, четыре месяца – это условный срок. Случиться это могло хоть завтра.

В ответ на закономерный вопрос коменданта «Как быть в таком случае?» Демьянов выдал дежурное: когда припрет, они стройными колоннами отправятся на постоянное проживание в деревню N.

Уточнять детали он не стал. И никто, слава богу, не стал выпытывать: кто их там ждет? Как они перевезут людей, про-

дукты, где будут брать банальный уголь с дровами для печного отопления? Где брать воду, как очищать ее? Наверно, каждый понимал, что ответа нет.

Майор был спокоен как скала. Се ля ви. Четыре месяца, значит, четыре. Для него этот срок казался таким же невообразимым, как миллион лет.

Эти дни выдались бедными на события. «И слава богу, – думал Демьянов, – хороших новостей ждать неоткуда». Происшествий было мало, и ни одно из них не выходило за рамки все той же рутины. За последнюю неделю умерли девять человек, в том числе один от лучевой болезни. Трое родились. Ни плохое питание матерей, ни врачи, привыкшие философски относиться к смерти, не смогли этим троим помешать.

Когда все начиналось, Сергей Борисович не думал, что проблема нежелательных беременностей принесет много хлопот, учитывая совокупный эффект облучения, дефицита витамина D, гиподинамии и плохого питания. Но две трети укрываемых находились на пике репродуктивного возраста, причем гораздо больше, чем сохранившихся семей, было пар, стихийно образовавшихся после заселения. Вряд ли людей можно было винить в этом.

Не желая полагаться на хитрый механизм регуляции численности, который якобы отключает инстинкт размножения в неподходящих для того обстоятельствах, Сергей Борисович предпринял меры. В ближайшем будущем этот инстинкт

понадобится им, чтоб сохраниться как вид, и на него нельзя будет накладывать ограничения (про аборт придется забыть навсегда). Но пока не время. Не хватало еще превратить убежище в огромный роддом, думал он тогда, и вместе с перевязочными материалами заказал группам снабжения добыть большую партию изделий № 2, а заодно и прочих контрацептивов.

Спрос на них был, но очереди не выстраивались. Не раздавать же презервативы в принудительном порядке? Идею с поголовной вазэктомией Демьянов отверг из-за стопроцентной необратимости. Пусть не сейчас, но рожать еще понадобится.

Если же многие обходились без «средств защиты», то в ближайший месяц следовало ждать наплыва забеременевших в медпункт. Оставалось полагаться только на этот гипотетический механизм.

Потому что времени для досуга у них стало много. Для экономии запаса солярки все реже включался генератор и все чаще объявлялся «темный час», когда коридоры убежища погружались в полный мрак и никто не рисковал выходить из комнаты даже в туалет напротив. Без надобности старались не включать и электроприборы на батарейках. Последние тоже были не бесконечными, а наверх только ради них мотаться никто не станет. Вылазок не было уже неделю.

Про калориферы и электрообогреватели нечего и гово-

ритель. Главную нагревательную установку включали четыре раза в сутки на полчаса, чтоб не дать замерзнуть воде в трубах. И, несмотря на толстый слой грунта над их головами и пять тысяч живых «обогревателей», в убежище установилась температура около семи градусов тепла.

Теперь все и спали в верхней одежде. Из тех девяти четверо умерли от пневмонии. Оставалось только жалеть, что убежища не оснащались автономной системой водяного или парового отопления. Смонтировать котел самостоятельно они сумели бы, если б занялись этим вопросом в первые же дни. Теперь, когда наверху от холода трескался металл, а руки без рукавиц отмораживались за пять минут, об этом можно было забыть. К тому же для котла нужен уголь или мазут. Много. Демьянов в который раз по-матушке вспоминал проектировщиков объекта, не веривших в ядерную зиму.

Самоотверженно трудилась бригада врачей в медпункте, в палате рядом с которым почти не осталось жертв радиации. Облучение как главный фактор риска сменили болезни и травмы «мирного времени». Первое место среди них занимали простудные заболевания – сырой холод подземелья делал их частыми, а их течение – сложным. Отмечались и случаи желудочно-кишечных инфекций: отфильтрованная вода была чище водопроводной, зато люди стали настолько неразборчивыми, что не брезговали есть и заведомо испорченные продукты, которые порой попадали в убежище вместе с несунями. С последними справиться можно было, толь-

ко введя массовые расстрелы, но Демьянов решил, что игра не стоит свеч.

Дальше по списку шли переохлаждения, переломы и, как ни странно, ожоги от самодельных обогревательных приборов. Случались и инфаркты, и инсульты, правда, сделать тут можно было немного. Естественно, врачам были недоступны сложные процедуры вроде компьютерной томографии. По большей части они могли использовать только методы, освоенные медициной еще в девятнадцатом веке.

Отработанной процедурой стало спасение желающих самостоятельно уйти в мир иной. К счастью, суициденты редко делали это умело, поэтому в девяноста процентах случаев после промывания желудка и иных мер они отправлялись на исправительно-реабилитационные работы, по окончании которых не оставалось сил на нехорошие размышления.

Если в первые дни горячее время было у хирургов, то теперь настал аврал у терапевтов. К счастью, лекарств было достаточно. К тому же, чтобы хоть немного компенсировать бедный стол, в качестве профилактики всем укрываемым раздавали поливитаминные комплексы.

И конечно, бичом жителей подземного «города» стал туберкулез, грозивший превратить убежище в подобие чумного барака. Двести человек с открытой формой уже были изолированы в отдельной секции.

Был даже один случай заболевания бешенством от крысиного укуса, после которого у спасшихся наконец-то дошли

руки до дератизации. Они разложили отравленные приманки и устроили гадам тотальный родентицид.

Серьезных нарушений порядка не было. Говорили, правда, что по мелочам подворовывают то тут, то там, но только друг у друга, на общественный склад больше не зарятся. Узнай об этих случаях раньше, Демьянов рвал и метал бы, но сейчас в нем что-то перегорело и ко многим вещам он стал относиться спокойнее. Если ты такой раззява, что у тебя из-под носа крадут законную пайку, сам виноват. Поголодай денек, может, это тебя чему-нибудь научит.

Самым серьезным происшествием была драка возле пункта раздачи продуктов. Но после того, как зачинщика выкинули вон, таких эксцессов больше не возникало. *Dura lex, sed lex.*

Вот вроде бы и все новости. Ах да, самое главное... Таинственные пришельцы на бронетехнике, которые переполошили майора две недели назад, больше не появлялись.

* * *

Демьянов наткнулся на него случайно, во время беспорядочных поисков в кабинете. Ведение документов было последним, о чем майор беспокоился в эти дни.

Формально предполагалось, что каждое действие будет сопровождаться бумажкой – от приказов о назначении до ор-

деров на выдачу продовольствия и снаряжения. Но Сергей Борисович, конечно, с первого же дня понял, что в наступившем «сегодня» вчерашние атрибуты бюрократического порядка потеряли смысл. Каким будет «завтра», он мог лишь догадываться, но видел, что в нем не будет место канцелярщины.

Поэтому донесение и было заброшено на самое дно сейфа. В суматохе первого-последнего дня его завалили другими, более важными документами. Схемами поверхности, маршрутами спасательных групп, журналами облучения...

Демьянов машинально перелистывал их, видел фамилии людей, многих из которых уже не было в живых. Каждая из этих пластиковых папок была собранием некрологов.

Под ними отыскался отпечатанный листок в мультифоре (в убежище был компьютер с принтером, хотя его давно уже не включали за ненадобностью). Майор наморщил лоб, перечитывая эту филькину грамоту, которую он составил на четвертый день по настоянию коменданта. Тот, сердешный, вертелся тогда ужом на сковородке – боялся, что большое начальство спросит с него за провал спасательной операции и миллионные жертвы. И чтоб прикрыться, повелел состряпать какую угодно отписку. Получилось вот что:

РУКОВОДИТЕЛЮ
РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА ГО И ЧС
ПО СИБИРСКОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ ОКРУГУ
Генерал-полковнику М. В. Иванову

ДОНЕСЕНИЕ

О ходе проведения аварийно-спасательных работ в очаге ядерного поражения

№ 01 26.08.19

ЗПУ Убежище № 28 МУП «Автобаза № 4», п. Академгородок

1. С 13:00 до 14:30 23.08 противник нанес по г. Новосибирску ядерный удар, применив 3 боеприпаса приблизительной общей мощностью 350 Кт.

2. По предварительным данным, общая площадь радиоактивного заражения составила 1025 кв. км с населением ок. 1600 тыс. чел., в том числе чрезвычайно опасного и опасного заражения – 454 кв. км с населением 950 тыс. чел. Полностью разрушен г. Новосибирск, получили сильные разрушения н. п. Кольцово, Толмачево, Академгородок и др. Расположенные в 10-километровой зоне вокруг г. Новосибирска объекты экономики подверглись сильным и средним разрушениям.

Выведен из строя гидроузел Новосибирской ГЭС, возникла зона катастрофического затопления площадью 238 кв. км с населением 560 тыс. чел.

Предполагаемые общие потери населения – 1040 тыс. чел., из них санитарные – не более 215 тыс. чел.

Потеряна связь с пунктами управления города и области. Ввиду этого запасной ПУ развернут на базе защитного сооружения МУП «Автобаза № 4», по адресу Университетский пр-т., 47 А.

3. Аварийно-спасательные работы в очагах поражения осуществляются с 17:00 24.08. В очаги поражения введено 0,43 тыс. чел. формирований ГО, 5 ед. инженерной и специальной техники, 0,126 тыс. чел. личного состава войск РВСН в/ч № 1217.

Оказана медицинская помощь 1,3 тыс. чел. пораженных, госпитализировано 0,450 тыс. чел.; ликвидировано очагов пожаров общей площадью 24 кв. км; эвакуировано из очагов поражения 5,2 тыс. чел. (из них 957 детей). Вследствие высокого уровня радиационного заражения, опасной пожарной обстановки и сплошных завалов эвакуация пострадавших в загородную зону представляется невозможной, в связи с этим принято решение временно разместить их в данном убежище. Ведутся работы по опознанию и захоронению тел погибших. Ввиду отсутствия на объекте НЗ, для обеспечения продовольствием временно реквизированы (под расписку) продукты со складов и торговых предприятий района.

4. В настоящее время обстановка в убежище № 28 остается напряженной. По прогнозам врачей, антисанитарные условия, последствия лучевой болезни,

неудовлетворительное качество питьевой воды, отсутствие квалифицированного медобслуживания приведут в ближайшее время к высоким потерям как среди укрываемых (в первую очередь детей), так и среди формирований убежища. Сохраняется опасность радиационного заражения убежища вследствие выхода из строя системы фильтров артезианской скважины и ФВК, а также опасность возникновения эпидемической ситуации.

В связи с этим,

ПРОШУ в кратчайшие сроки оказать содействие в проведении эвакуации пострадавших в количестве 5260 чел. за пределы зоны опасного радиоактивного заражения, обеспечении их временным жильем, продуктами питания и предметами первой необходимости.

Зам. главы управления

по ГО и ЧС г. Новосибирска З. П. Прохоров

врем. комендант

убежища № 28

Смешно и глупо. Само собой, донесение так и не было отправлено. Кино такое было – «Письма мертвого человека», блин.

И тут майору на глаза попался журнал. Он лежал под донесением, на самом дне, в пыли. «Журнал убежища»... Книжка в красном переплете – тридцать страниц дешевой серой бумаги в клетку.

Демьянов вспомнил, что не вытаскивал его с тех пор, как

сделал к нему обложку. Случилось это через полгода после того, как получил эту должность, – в 2016 году. Демьянов сдул с книги старую, еще довоенную пыль. И, к собственному удивлению, почувствовал желание заполнить этот идиотский бюллетень, чтоб хоть чем-то занять свободное время. Его теперь даже у майора образовалось до тошноты много.

«Я не белый офицер и не гитлеровский генерал, чтоб мемуары сочинять, – словно оправдываясь, подумал Сергей Борисович. – И слезливым маразматиком еще не стал. Просто не помешает для порядка. Мало ли что с нами случится, а так будет отчет».

Вопросу, кому он собрался отчитываться, майор не позволил родиться. Какая разница? Налив себе кофе из термоса, он уселся поудобнее и принялся заполнять задним числом этот исторический документ. Благо события этих сорока дней врезались в его память намертво.

Пятнадцать минут спустя он отложил ручку, поправил очки, без которых полтора месяца назад обходился, и перечитал написанное. Удовлетворенно хмыкнул, захлопнул книгу и убрал обратно в стол.

Он будет заполнять ее каждый день, хоть по строчке. Еще один маленький ритуал-якорь, чтобы не потерять связь с реальностью и не поплыть в сторону окончательной шизы, которая уже ясно прослеживается у товарища генерала. Если раньше тому мерещились посетители после второй (не рюм-

ки, ясное дело), то теперь он видит их и на трезвую голову. То отдает им приказы, то, наоборот, отчитывается и берет под козырек... А потом не помнит или не верит, что разговаривал со стенкой, злится как бешеный, если тронуть.

Страшно. Не дай бог. Кстати, не пора ли старику на заслуженный отдых? Формальная власть тоже имеет значение, порукой тому римский папа и английская королева. Надо обмозговать.

* * *

Убежище жило своей жизнью, отрезанное от остального мира. Или наоборот.

Наверху все стыло и коченело. Страна уже не билась в агонии, а тихо умирала, впад в кому. Сентябрь сменился октябрем, еще более холодным и таким же темным.

Чем больше проходило времени, тем чаще Демьянов думал, что им повезло. Как ни крути, а убежище № 28 представляло собой идеальное... убежище. Тьфу, иначе не скажешь.

Раньше он смеялся над фильмами и книжками, где уцелевшие после атомной войны годами жили в темных бункерах и пещерах. Со скепсисом профессионала втолковывал поклонникам такого чтива: мол, даже если ракеты избирательно поразят все атомные электростанции (чего они не станут делать никогда) и на каждой АЭС случится штука под

названием meltdown, как в Чернобыле, – даже в таком случае у людей не будет причин сидеть под землей сотню лет. Потому что все равно – кишка тонка у нас заразить радиоактивными изотопами всю земную поверхность (кобальтовая бомба не в счет). Нет, конечно, будут зоны, где десятки лет может держаться смертельный уровень радиации. Относительно компактные. И как правило, вдали от городов, потому что АЭС в городской черте обычно не строят. Укрыться в таких зонах не успеет никто. Но останутся участки и относительно чистые – в сельской местности. И именно туда как можно скорее следует перебираться выжившим. А ютиться под землей больше недели... это попахивает абсурдом и фантастикой. Любят... любили авторы такой сюжет, будто медом он намазан. У одного эти «дети подземелья» вообще перешли на самообеспечение, начав выращивать грибы и свиней на подкормке из собственных фекалий... Ну и умора.

Так считал майор. А теперь судьба посмеялась над ним, подсунув в качестве спасения укрытие под землей. Да, в деревне, в деревянных домах с печным отоплением, было бы лучше по многим статьям. Но как туда переберешься? Еду перевозить на чем? Скважину такую где еще найдешь? И опасностей наверху до хрена.

Так или иначе, им повезло. Упрятанное глубоко под землю убежище не могло промерзнуть. А остальные люди? Сергей Борисович старался не думать о сотне миллионов своих сограждан, которым некуда спрятаться, которых никто не

накормит и не защитит. А когда такая мысль все же забредала в голову – надеялся, что они умерли быстро.

Демьянов знал, что выжить в ледяном аду обычной семье невозможно – только прошедшие спецподготовку, спаянные коллективы могут на что-то надеяться... А средний гражданин не выживет, даже если он родной брат Робинзона Крузо. Хотя какой дурак будет выживать один или семейным кружком? Человек – существо стадное, и после катастрофы люди наверняка сбились в группы разной величины. Соседи. Коллеги. Родственники. Сослуживцы. Сокамерники, ха-ха. А если все они бестолковые обыватели, которые не служили в армии, а «работали» в офисе, отправляя факсы из одной шарашки в другую, то дело дохлое. Такие погибнут даже с полной кладовкой тушенки. Толку-то от объединения – только немного муки продлить.

Но все равно слишком многое против обитателей убежища. На первом месте, конечно, климат, на втором – человеческий фактор и только на третьем – поражающие факторы ядерного оружия. С последними, слава богу, теперь было меньше проблем. На всей территории области ядерная опасность почти миновала. Облака уносило прочь: судя по розе ветров, от Новосибирска они успели умчаться далеко на юг и рассеяться над Алтаем и Казахстаном.

В целом Западной Сибири повезло. Дувший почти беспрерывно северный ветер и огромные расстояния между городами благоволили уцелевшим. С запада заразы можно бы-

ло не опасаться – все большие города Урала и европейской части страны находились далеко. Новосибирской области посчастливилось не иметь на своей территории почти никаких первоочередных целей. Единственная часть РВ-СН в Пашино после памятной «реформы» Стрельцова стала учебной, хотя враги могли и подстраховаться. Но даже если вместо пары крылатых «Фастхоуков» (или старых «Томагавков») по корпусам они сбросили туда еще один сюрприз, в масштабах сельского в целом региона это был мизер.

Даже потом, когда Штаты применили все, что у них было, там не видели смысла выжигать эти просторы дотла. По сравнению с соседним Кузбассом плотность населения тут была куда ниже. Швырнули по паре десяти-, стокилотонных по главным промышленным центрам, и будь здоров.

Здесь, в Академгородке, радиация доставляла все меньше проблем: уровень заражения стабильно падал. Похоже, супостаты применяли бомбы в основном для воздушных взрывов. От них дряни на порядок меньше, а радиус поражения, наоборот, выше. Люди мрут, инфраструктура и ценные объекты экономики рушатся, пользы от «зачищенной» страны немного – зато есть гарантия, что на родном берегу радиоактивный дождик не выпадет.

Единственными исключениями были центр и север Новосибирска. Там до сих пор сохранялись опасные уровни радиации. Демьянов грешил на один известный химкомбинат, производивший ядерное топливо для АЭС. Должно быть,

накопили на складе большой запас, который должны были отправить на недавно пущенную станцию в Северске.

Но даже там можно было прогуляться и по лунному ландшафту эпицентра, если возникнет желание. С риском для здоровья, но не для жизни, если недолго. При условии, что погода не подкачает.

Демьянов представил, как выглядела бы метеосводка последнего синоптика на Земле: «Устойчивая облачность, ветер северо-западный 15–19 м/с, до 50 м/с в порывах, температура воздуха днем минус 36–41 °С, ночью минус 43–48 °С».

Майор никогда не верил предсказателям погоды. Он вспомнил барометр, который распорядился разместить на наблюдательном посту на поверхности. Кто-то из ученой братии высказал дельную мысль: мол, отслеживание динамики атмосферного давления поможет лучше планировать вылазки и предугадывать приближение ураганов... Затея провалилась – никакой системы в поведении ветров не обнаружилось. Они приходили тогда, когда их меньше всего ждали, принося массу проблем.

Но барометр какое-то время висел. И если б Демьянов не был занят текущими вопросами, он бы заметил, что стрелка почти всегда смещена влево по отношению к нормальным 650 миллиметрам ртутного столба. Среднее давление упало почти на семьдесят. Если б заметил, то не спрашивал бы се-

бя, почему в последние дни ему так тяжело дышать. Майор списывал это на гипертонию и ишемическую болезнь сердца, но прав он был только наполовину.

На самом деле страдал не он один.

Земля потеряла почти десятую часть кислорода, поглощенного в процессах горения и гниения. Над всей Евразией кружились гигантские циклоны – их движение напоминало катание бильярдных шаров после удара кием. Такие же области пониженного давления, хотя и меньшим числом, клубились над Северной Америкой. Они то собирались в стаи, то отталкивались друг от друга, из космоса напоминая гигантские воронки. Эти пылесосы Всевышнего захватывали молекулы воздуха и переносили их на такую высоту, где ослабевало земное притяжение, и они рассеивались в безвоздушном пространстве. В первые сутки, в дни Великого пожара, эти «пылесосы» вытягивали из атмосферы кислород миллиардами кубометров в секунду. Потеря была невосполнимой, потому что царство растений понесло страшные потери от огня и температурного шока. Сгорело дотла не меньше двадцати процентов лесов. Но даже те, что не сгорели и не замерзли, на время прекратили вырабатывать кислород. К сороковому дню продолжали фотосинтез только океанские водоросли в высоких широтах, где облачный покров был не таким плотным.

Высокогорные деревни и города вроде Мехико и швейцарского Давоса вымерли не от радиации или холода. Жизнь

покинула их, потому что на высоте больше километра над уровнем моря стало невозможно дышать.

Но рука об руку с этим процессом шел и другой. Вместе с падением давления резко росла влажность. Над океанами бушевали ураганы, сравнимые с бурями на Венере, втягивая в себя миллиарды литров воды и перенося их на сотни, а то и тысячи километров. Влага конденсировалась над стремительно остывающей сушей и выпадала сначала в виде ливней, а потом в виде обильных снегопадов: не миллиметры осадков, а метры. В средних широтах колесный транспорт стал бесполезен. Под многотонной тяжестью обваливались крыши, и там, где некому было сбрасывать с них снег, брошенные строения в городах и поселках быстро становились непригодными для жилья.

Ядерная зима невозможна. Так считали математики и климатологи.

Даже сгоревших городов и лесов площадью в миллион квадратных километров будет недостаточно, чтоб дать такое количество пепла, говорили они. А ведь образовавшаяся сажа должна еще попасть в стратосферу, где нет конвекции и дождей, которые быстро ее вымывают, – останься сажа внизу, атмосфера очистится от нее за неделю. Попасть в верхние слои сажа может лишь за счет эффекта огненного торнадо, который образуется только при пожарах в городах, да и то не во всех. Но современные городские районы спланирова-

ны так, что огненного шторма не возникнет. А при лесном пожаре выделяется и вовсе очень мало сажи, и не все ее частицы настолько мелкодисперсны, чтобы зависнуть в тропосфере, оказывая влияние на затемнение Земли.

Ядерная зима возможна только при одном маловероятном сценарии – взрыве термоядерных бомб в каменноугольных пластах. Направляя «Минитмены» с пяти-, десятимегатонными БЧ на далекий Кузбасс, обитатели подземных бункеров Колорадо это знали. Правда, они считали, что феномен будет локальным и затронет только Евразию. Кто мог подумать, что процесс вызовет цепную реакцию и выход пыли будет равен не сотням миллионов тонн, а миллиардам?..

Атомные грибы вздувались только в Северном полушарии, но последствия вскоре ощутила на себе вся планета. Между полушариями Земли шел непрерывный обмен воздушными массами, поэтому страны, на территории которых не упало ни одной бомбы, тоже получили свою долю – если не радиоактивных осадков, то пепла с сажей.

Небо там стало не черным, а серым, но и этого оказалось достаточно. Теплолюбивая флора и фауна экваториальной и тропической зон погибла раньше, чем в умеренных широтах. В середине сентября коса прошлась по биосфере планеты, первыми отправляя вслед за динозаврами растения юга, затем животных и почти сразу же – популяцию людей. Особенно тех, кто жил натуральным хозяйством, не имея ни запасов пищи, ни утепленных жилищ... не говоря уж о зимней

одежде.

Обитатели развитых стран юга, вроде Южно-Африканской Республики, Бразилии и Австралии, могли бы продержаться дольше – с холодильниками и забитыми едой супермаркетами. Но и у них была ахиллесова пята: в этих странах не знали, что такое настоящая война, и не было ничего похожего на систему гражданской обороны. Катаклизм застал их врасплох, свалившись на голову вместе с первым снегом.

Правда, насчет Австралии разговор особый.

Но не только взбесившийся климат сокращал численность человеческой расы. В темноте люди и народы сводили старые счеты, платя кровью за недавние и древние обиды. Август 2019 года стал месяцем, когда мир потряс не один ядерный конфликт, а четыре. Даже если б не пришла Зима, обмен ударами между США и РФ сместил баланс сил настолько, что стал катализатором для трех крупномасштабных и множества малых войн. Войны на Земле превратились в систему с положительной обратной связью, которая распространялась как пожар и могла закончиться, лишь исчерпав топливо – оружие или людей.

Как только стало ясно, что прежний миропорядок рухнул, на Израиль обрушился ракетный удар Лиги арабских государств, спровоцированный слухами о том, что Тель-Авив планирует нанести по их столицам превентивные ядерные удары... хотя, возможно, это были не слухи.

Дешевые и допотопные баллистические ракеты арабских

стран были начиненными взрывчаткой консервными банками с примитивной инерционной системой наведения. Шестая часть из них взрывалась еще на активном участке траектории, орошая землю дождем горящих обломков. Почти все остальные были сбиты комплексами «Пэтриот» и более новыми аналогами. Точнее, их сбивали до тех пор, пока не кончились противоракеты. Качество было побеждено количеством, и на каждый квадратный километр Земли обетованной упало по паре «птичек», некоторые из которых были с химическими агентами. Одновременно авиация Иордании, Сирии, Ливана и Египта устроила самоубийственный рейд на ракетные базы Израиля в пустыне Негев с одной целью – уничтожить хотя бы часть готовящихся к запуску «Иерихонов».

Следом двинулись бронетехника и пехота, поддержанные добровольцами из всех стран Лиги. Арабы долго готовились к этому дню, накапливая оружие и ярость для реванша.

За войсками шли колоннами и ехали на личном транспорте «мирные люди» – народные мстители, проще говоря, мародеры. К ним присоединялись и жители Палестины от мала до велика. Те уже знали о судьбе арабского населения, которое жило в пределах Стены безопасности, и хорошо помнили об участии Израиля в кампании против Ирана.

Когда не армии, а народы сражаются за право выжить, правых и виноватых не бывает.

Новая война Судного дня была скоротечной, и в этот раз

детей Сиона не спасло ни техническое превосходство, ни то, что за оружие взялись все, кто мог его поднять. Без американских друзей за спиной они могли только продать жизни подороже, захватив с собой побольше старых врагов. Последний бой ЦАХАЛа, Армии обороны Израиля, был страшен. От Синайского полуострова до Западного берега реки Иордан сошлись в бою моторизированные части. Французские «Леклерки» Саудовской Аравии были хороши, а русские Т-95, которые закупило правительство Египта за год до войны, — еще лучше, хотя сами арабские танкисты звезд с неба не хватало. Но сколько бы техники ни сжигали израильские «Меркавы» и противотанковые гранатометы, на место каждого убитого врага становилось десять, и совсем скоро, щедро удобрив трупами песок, захватчики прорвались через заслоны и устроили среди библейских долин ветхозаветную бойню. За собой они оставляли города и поселки, где больше не было даже кошек и собак, только смрадный дым поднимался к небу. Спаслись единицы, в основном элита, отчалившая до первых залпов в неизвестном направлении.

Пятого сентября еврейское государство перестало существовать, на этот раз навсегда. Но из двухсот сорока его ракет средней дальности марки «Иерихон-4» почти сто пятьдесят успели взлететь, превратив в пыль половину крупных городов стран ислама. Черный метеоритный куб Каабы превратился в радиоактивный пепел вместе с древними памятниками Александрии и Каира. Победителям некуда стало воз-

вращаться, а потеряв общего врага, они мигом лишились подобия единства. Вспыхнул раздрай, закончившийся резней и взрывами «грязных бомб» в уцелевших Эр-Рияде и Абу-Даби.

Днем раньше войска Северной Кореи, за считанные дни поставившей под ружье треть населения, пересекли тридцать восьмую параллель и хлынули в Южную, сметая все на своем пути. В первом же боестолкновении вскрылось преимущество социалистического уклада над капиталистическим: северяне не умели делать телевизоры и автомобили на экспорт, зато не разучились держать автоматы. Так была доказана истина, известная специалистам еще со Второй мировой, – армии демократий не умеют воевать.

Еще вечером первого дня, опомнившись от потрясения, Индия и Пакистан подписали специальное приложение к договору о ненападении, имея перед глазами красноречивый пример. Но усилия Дели и Исламабада пошли прахом, когда отбившиеся от рук военные с обеих сторон начали промышлять грабежом по разные стороны рубежей.

Как и в других местах, противостояние развивалось по нарастающей. Двадцать восьмого августа страны обменялись серией ядерных ударов, стараясь опередить друг дружку и получить стратегическое преимущество. Это бледное подобие катастрофы 23-го числа (если считать мощность бомб) из-за скученности населения и неразвитости системы ГО унесло не меньше жизней. Вслед за этим армии двух госу-

дарств оказались втянуты в вялые позиционные бои на всем протяжении границы, которые стихли через неделю, когда оба правительства пали под натиском обезумевших от голода толп.

Когда американские контингенты по всему миру внезапно начали паковать вещи, ни одна страна не испытала и доли того, что почувствовала Япония. Двадцать пятого августа все, от министров до гейш из чайных домиков Киото, говорили о том, что проклятые бака-гайдзины³ смылись, бросив верных союзников в пасть дракону. Прошлой ночью базы на Хоккайдо и Окинаве обезлюдели – военный персонал в спешном порядке погрузился в «Геркулесы» и на морские суда, причем не только под своим флагом. В обстановке неразберихи было не до дипломатических расшаркиваний с бывшими друзьями. Реквизировали все, что попало под руку, – от круизных лайнеров до сейнеров, ловивших крабов в Охотском море, и отбыли, бросив все нетранспортабельное имущество.

Япония осталась одна. Но у Страны восходящего солнца было чем защитить себя. Больше полувека она руководствовалась в своей политике обязательством «не производить, не приобретать и не иметь на своей территории ядерного оружия». Однако мир менялся стремительно, становясь все ме-

³ Бака-гайдзин – американец (*яп.*). От бака – «глупый» и гайдзин – «иностранец».

нее предсказуемым. И в конце первого десятилетия миллениума обстоятельства заставили Японию отказаться от этого донкихотского принципа.

На кону стояло выживание нации. В регионе было неспокойно: Северная Корея все чаще огрызалась, наконец-то легализовав свою атомную бомбу. Да и с Южной не все было гладко – давали о себе знать многовековые обиды и нерешенный спор из-за острова Такэсима.

Но единственной реальной угрозой был, понятно, Китай. Исполин не бряцал оружием, ему это было не нужно. Он представлял опасность самим фактом своего существования – пятимиллионной армией мирного времени (резерв был сравним с населением средней европейской страны), вторым после США военным бюджетом и стремительно растущим флотом, в котором наращивалась подводная составляющая. Здесь уже пахло претензиями на роль мировой, а не региональной сверхдержавы. Уверенно выступал он и на экономическом поле, все больше перетягивая на себя деловые интересы США в регионе. Китай был опасен даже в спокойное время, чего уж говорить об эпохе Мокусироку Хэн⁴.

Угроза назрела давно, но только в начале десятых годов Министерству обороны удалось преодолеть мощное антивоенное лобби, заткнув рты прекраснодушным дурачкам. Дело было за малым.

Никакой «комплекс вины» не мог помешать второй по

⁴ Мокусироку Хэн – конец света (яп.).

технологическому развитию стране мира обзавестись собственным ядерным оружием. Третий по величине пользователь атомной энергии в мире с запасом отделенного плутония, достаточным для изготовления 2000 боеголовок – вдвое больше, чем у Китая, – за пять лет сумел создать и довести до совершенства собственную бомбу, пройдя путь, на который другим странам понадобилось лет по тридцать.

Произвести столько головных частей японцы не успели, но три сотни чистых, современных термоядерных боеприпасов мощностью от 10 до 100 килотонн было собрано. Параллельно, даже с некоторым опережением, разрабатывались средства доставки – баллистические ракеты средней дальности типов «Аматерасу-1 и -2» с дальностью поражения до 2800 км и до 5200 км.

Ракет было немного, но они были надежны, как и все, что делалось в Стране восходящего солнца. От «изделий» многого не требовалось – мощным ПРО вероятный противник обзавестись не успел, а расстояние до целей – городов прибрежной зоны – было смешное – всего 500–1500 километров.

За один день 27 августа, опираясь на мощную «пятую колонну», силы НОАК⁵ без боя «освободили» Тайвань, вернув последнее пристанище Чан Кайши в лоно метрополии.

⁵ НОАК – Народная освободительная армия Китая (помимо нее вооруженные силы КНР состоят из Народной вооруженной полиции Китая (1,4 млн человек на 2010 г.) и народного ополчения. О потенциальной численности последнего догадайтесь сами).

Генштаб армии Японии не стал ждать, когда китайские десантные катера появятся у родных берегов. Перед многократно сильнееим врагом смысл имела только тактика опережающего удара.

Противник тем временем медлил: для китайских генералов операция «Цунами» осложнялась тем, что должна была быть проведена бережно. Мощность оружия следовало соизмерять с допустимым ущербом. Смыть потомков самураев в океан было несложно — для этого хватило бы и десятой доли ядерного потенциала Поднебесной, но высокотехнологичные сборочные линии и лаборатории, сухие доки и верфи, где можно строить авианосцы, нужны были целыми и невредимыми. Как, в идеале, и мозги японских инженеров и ученых, которые вряд ли откажутся работать на новых хозяев за карточки на рыбу и рис.

У другой стороны таких ограничителей не было. На восьмой день данные спутниковой разведки подтвердили, что на материке началось рассредоточение населения крупных городов. Япония нанесла превентивный удар.

Эвакуация не была полномасштабной, да китайские власти к этому и не стремились. Численность горожан в новой эпохе нужно было ввести в жесткие рамки. Давно были вывезены и укрыты ценные кадры и оборудование, в мегалополисах оставались только лишние рты, обреченное на убой стадо. Разменять четыреста миллионов чернорабочих на второй в мире промышленный потенциал — на это руководство

единственной оставшейся сверхдержавы было готово. Тем более бывшие кули лепили ширпотреб для Запада, но ведь Запада больше нет. А цена человеческой жизни в стране, тоннами поставлявшей абортивный материал на стволовые клетки и для других нужд, никогда не была сколько-нибудь значимой.

И снова к небесам поднялись столбы пламени. По числу душ, покинувших бренную землю, этот день переплюнул даже 23 августа. Янцзы и Хуанхэ на сутки остановили свой бег, запруженные обломками и мертвой биомассой. Дело довершили взрывы плотин (в том числе знаменитой дамбы «Три ущелья»). В мутной радиоактивной воде покачивались трупы людей и животных, медленно пробивая себе дорогу к океану.

Ответный удар был щадящим: ядерное оружие только тактического класса, химическое – только по позициям японских войск. Всего через час на острова градом посыпались китайские парашютисты, отвоевывая плацдармы для сметающей все волны морского десанта.

Операцию предполагалось закончить за пять дней, в реальности понадобилось двадцать. Вторжение пробудило в сынах богини Аматерасу забытый воинский дух – пропитанная культом смерти философия не дала ему исчезнуть после четырех поколений сытой жизни. И вчерашний менеджер, любитель аниме про школьников в коротких платяцах, за год до войны окончивший курсы резервистов, брал штурмовую

винтовку и надевал повязку камикадзе. Тридцатипятимиллионный Большой Токио, крупнейший город мира, стал крепостью, где из каждого окна, чердака и подвала вели огонь фанатики-смертники.

Даже когда он сдался под натиском облаков нервно-паралитических газов, одиночки продолжали отстреливаться, сберегая последний патрон или гранату для себя. Они не могли победить, но сумели выиграть время, и половина промышленных гигантов столицы сложилась под действием направленных взрывов. Подорванные небоскребы Нагасаки и Осаки рушились, как башни Всемирного торгового центра, а Хиросима во второй раз исчезла в пламени ядерной бомбы, на этот раз приведенной в действие защитниками. Несколько зарядов были взорваны в районе тектонического разлома на дне Японского моря, вызвав чудовищные цунами и серию шести-семибалльных землетрясений по всему архипелагу.

Теперь во всем регионе осталась одна сила, но и для нее победа вышла почти пирровой – добычи оказалось меньше в разы, и она едва ли оправдывала потери.

Однако настоящая катастрофа случилась через неделю после подавления последнего очага сопротивления, когда неподалеку от Циндао килотонным взрывом внезапно был выжжен изнутри командный бункер с высшим руководством Коммунистической партии Китая. Возможно, японцы были ни при чем и так сводили счета представители номенклатурной элиты.

После этого все пошло вразнос. Собранная на скорую руку Чрезвычайная комиссия недолго удерживала ситуацию под контролем: генералы тянули в одну сторону, чиновники и Гуокиа Анкван Бу⁶ – в другую. В конце концов она распалась в кровавой сваре за остатки рычагов управления, кульминацией которой стал военный переворот 14 сентября с полным устранением гражданской администрации.

На тридцать пятый день новое правительство Китая укрепилось в малонаселенных землях Внутренней Монголии, отрезав территорию от остальной страны стеной минных заграждений, колючей проволоки и пулеметных гнезд. За ее пределами в нескольких анклавах вокруг уцелевших АЭС концентрировались продовольствие, войска и лучшие кадры. «Ненужные» семьсот миллионов, из которых половина умирала от лучевой болезни и ожогов, а вторая – от голода, были частью предоставлены сами себе, а частью согнаны в трудовые армии, где средняя продолжительность жизни равнялась неделе.

Попытки прорыва периметра подавляли авиация и артиллерия, благо авиабомб и фугасных снарядов пока оставалось достаточно. Для снижения «демографического давления» несколько городов центральных и северных областей подверглись ядерной бомбардировке своими силами. Самая крупная в мире армия еще подчинялась приказам.

Хотя Поднебесная пока тверже всех прочих держав стояла

⁶ Гуокиа Анкван Бу – Министерство государственной безопасности КНР.

на ногах, но и ее падение было вопросом времени.

На другом конце мира схватилась в войне всех против всех половина государств Южной Америки – бедные против богатых, голодные против сытых. Фронт расколол даже отдельные страны и города, и общие культура с языком не могли помирить вцепившихся друг другу в глотки горячих латиноамериканцев.

Нечто похожее происходило и в колыбели цивилизации – Месопотамии, в Малой Азии, на всем большом Ближнем Востоке и в Средней Азии. Все это огромное пространство превратилось в бурлящий котел, где десятки народов азартно резали и грабили своих соседей: турки и курды, афганцы и таджики, арабы и иранцы. Сунниты и шииты... Вера и кровь перемешались и потеряли значение перед лицом надвигающихся с севера черных туч, несущих с собой голод и смерть.

Но даже эти события бледнели рядом с тем, что творилось в Экваториальной Африке, где и раньше-то жизнь была не сахар. Теперь джунгли и саванны, захваченные дыханием зимы, превратились для ни разу не видевших снега чернокожих обитателей в ледяной ад. Тонкая пленка цивилизованности слетела с них моментально. Не повезло и африканерам в ЮАР – потомкам голландских и немецких переселенцев. Их соседи, коренные африканцы, нашли приятным на вкус мясо белого человека. Им, как и многим другим, скачок в

прошлое дался легко.

По всей Земле фанатики всех религий и культов глаголили о наступлении апокалипсиса, как бы он в их традиции ни звался. Они были правы, черт возьми.

И все же многие опомнились. Уцелевшие – от бывшего миллионера (деньги стали прахом и вдали от войны) до пролетария, пусть и с белым воротничком, даже поджигатели войны в своих норах – все успели отрезветь от кошмара. Им казалось, что хуже быть не может. Сотни тысяч квадратных километров суши превратились в обугленную рану, сочащуюся радиоактивным гноем. Сотни миллионов тел лежали под снегом в США, Канаде и Западной Европе, где вдобавок полыхала эпидемия выпущенной на свободу смертельной болезни, по симптомам похожей на лихорадку Эбола с неправдоподобной вирулентностью. Если б не прекращение авиаперевозок, она бы уже скосила все народы Старого Света, как траву. Локальные вспышки сибирской язвы и распыление токсина ботулизма (русский подарок с того света) тоже вносили лепту в дело великого мора. Количество погибших от холода и голода подсчету не поддавалось. Их могло быть и вдвое, и втрое больше, чем жертв оружия массового поражения.

Не меньше половины населения потеряла Россия. Огромные пространства спасли часть людей от бомб, но именно здесь было выброшено в небо больше всего пепла, здесь пер-

вой наступила Зима.

Хотя русских особо никто не жалел.

Оставались и страны вроде островных государств Микронезии и Меланезии, где на сороковой день ни один человек не погиб от последствий войны. Окруженные со всех сторон океаном, эти клочки суши остывали медленно; к тому же вокруг было полно промысловой рыбы. До них, расположенных в Южном полушарии, не скоро доберутся тучи пыли и ледяные течения. Но и этим райским уголкам не спастись, хотя бы потому, что там привыкли полагаться на импорт, а крохотная островная экосистема оскудеет быстро. И раньше, чем течения, туда могут добраться пираты из бывших военных моряков исчезнувших держав.

Больше шансов уцелеть как государство имела бы маленькая Финляндия, накопившая в «тучные» годы десятилетний запас продуктов, имеющая природное топливо в виде лесов под боком и давние традиции выживания при зимних температурах... Имела бы, не находясь вокруг много желающих заставить ее поделиться.

Хорошие карты были на руках и у Швейцарии. Та хоть и декларировала нейтралитет, имея не больше десяти тысяч кадровых военных, зато обладала уникальными вооруженными силами милиционного типа. Ни в одной стране мира не было столь подготовленного резерва – при необходимости за месяц под ружье можно было поставить почти все взрослое население. На вооружении у этой армии находилось око-

ло восьмисот танков и две сотни самолетов, хотя она и была «заточена» под оборону. Этому способствовали и альпийский рельеф, и местные традиции. Каждая семья имела дома оружие, вплоть до автоматического, а в свободное время даже банкиры не гнушались заниматься боевой подготовкой. Тиры и стрельбища тут были популярнее баров; наследие Вильгельма Телля блюлось свято.

Последние двадцать лет богатейшая страна мира готовилась к худшему. Ей было что терять. Кризис почти не затронул ее; здесь находилась штаб-квартира «старых денег» – консервативной части мировой финансовой элиты, которая успела перевести капиталы из зеленых фантиков в золото и нефть. За двадцать лет до войны были рассчитаны координаты шурфов под взрывчатку. И в Час «Ч» взрывы тоннелей и обвалы на дорогах превратили горные долины в крепости. Сотни тысяч беженцев из Франции, Германии и Италии, спасающиеся от чумы и голода, натолкнулись на неприступные стены. Там, где вызвать завалы были невозможно, швейцарцы возвели системы укреплений, которые могли бы посрамить линии Мажино и Маннергейма, и заминировали каждый клочок земли. Запас продовольствия в стране сыра и шоколада позволял смотреть в будущее с оптимизмом.

Глава 2. Настя

Крохотная комната, освещенная неровным бледно-желтым светом. Голые серые стены, низкий потолок, окна нет. Место и время неясны, да и неважны. Важно только то, что произошло здесь две минуты назад. Смерть.

Темница, склеп, могила. Ни единого звука извне. А в самой комнате затихает эхо единственного выстрела; и она медленно и плавно, как затонувший корабль в ил, погружается в тягучую тишину, которую нарушает только падение капель. В тишине стук каждой капли звучит как удар пудового молота по наковальне. Каждые пятнадцать секунд – грохот.

За невысоким столиком спиной к закрытой железной двери сидит человек. Сидит, наклонившись вперед и уронив голову на скрещенные руки. Со стороны может показаться, что его сморил сон. Но капает не вода, а кровь: стекает тонким карминным ручейком изо рта и затылка, представляющего собой сплошную рану, струится по неровному столу и льется на пол, где успела собраться лужица, над которой поднимается пар. Лужица быстро подсыхает и темнеет, замерзая, – по краям она уже бурая, а ближе к середине, туда, куда прямо капают тяжелые капли, остается бордовой. Но в темноте, чуть подсвеченной тусклым сиянием, оттенки красного и коричневого не различить.

Кажется, что лицо человека отливает трупной зеленью,

хотя это лишь игра света и тени. Он действительно мертв, но умер недавно: в прогорклом воздухе витает запах пороха. Впрочем, его трудно почувствовать – все ароматы перебивает тяжелое зловоние непроветриваемого помещения, к которому примешивается дух тлена. Смерть приходила сюда и раньше.

На полу у ног человека валяются забрызганный кровью пистолет Макарова и белые осколки, похожие на кусочки фарфора. На столе, придавленная его рукой, лежит школьная тетрадь в клетку. Она раскрыта, и страницы слиплись, склеенные запекшейся кровью. Кровь напитала их, размыла чернила, уничтожив слова и строчки. Большую часть текста не прочесть. Но между сведенными судорогой пальцами можно разобрать последнюю фразу: «...и все закончится».

На столе лежит фонарь, его слабого лучика недостаточно, чтобы осветить эту каморку. Заряд батареек на исходе.

Комната быстро погружается во мрак. Проходит пять минут, и пучок света истончается, пока не превращается в едва тлеющую искорку. Капает кровь. В темном безмолвии, не нарушаемом ничем, слышно мягкое шуршание лапок.

Проходит время, долгое время, и издалека доносятся шаги. Чуть слышно скрипит дверь. В комнату кто-то входит.

* * *

Каждый раз, возвращаясь из страны снов в реальность,

она чего-то ждала. И каждый раз мир не оправдывал ее ожиданий. Она надеялась увидеть свет – не бледный и выморочный, а яркий, настоящий. Но вместо этого снова и снова оказывалась посреди безбрежного океана мрака.

Это ее разочаровывало, но не удивляло и не пугало. Тьмы она не боялась, привыкнув к ней настолько, что та стала для нее родной и близкой. Тьма была надежным убежищем. А вот свет, неровный свет фонарика, был редким гостем в этом мире и почти всегда был связан с опасностью.

С ним.

Целую вечность они были вместе. Он – единственное живое существо в ее мире, не считая маленьких пищущих тварей, которые подбирались к ней, когда она засыпала.

Запертая дверь этих мерзких существ не останавливала. У них были свои ходы в переплетении труб и проводов, по которым они проникали из тоннеля в сбойку. Один раз, проснувшись от слабого скрежета и подняв фонарь, она увидела в тусклом свете десяток пар глаз-бусинок, кружащихся в хороводе возле ее койки. Ей стоило огромных усилий не закричать. Не выдать себя врагу более страшному. Из последних сил она приподнялась на локте и швырнула в ближайшую тварь консервную банку. Промазала – руки тряслись и не слушались, да и сил после месяца жизни впроголодь не осталось. Но животных она спугнула.

В тот раз существа не решились напасть. Они были не глу-

пы и понимали, что время работает на них. Один бог знал, сколько их обитало в темноте тоннелей. Даже пятнадцать – двадцать, кинься они разом, могли задавить ее числом. Но они не нападали. Должно быть, знали, что незачем сегодня рисковать, если через пару дней добыча достанется им без боя.

После того случая то одна, то другая тварь время от времени возникала на безопасном расстоянии. А двое суток назад самая глупая или смелая напала на нее. Хотя, может, то была крыса-камикадзе, старая и больная, которая отправилась на верную смерть по приказу стаи. Мерзавка забралась на деревянную лежанку по ножке и цапнула девушку за руку. Укус сначала показался ей не больше укола булавки, но потом долго саднил и кровил. Ранку она обработала прибреженной зеленкой, пузырек которой сохранила, подумав с мрачной иронией, что не успеет умереть от заражения крови. Она не отбилась бы так легко, будь крыса молодой и здоровой, но та сама находилась на последнем издыхании. Вялая и медленная, гадина даже не попыталась увернуться, когда девушка занесла над ней ногу. И в следующую секунду с мокрым лопающимся хрустом была впечатана сапогом в пол. Девушка глядела на ее останки со смешанным чувством голода и отвращения. Наверно, то же самое чувствовал *он*, когда в первый раз отрезал кусок запретного мяса от еще теплого трупа – трупа того ублюдка... «Розовой свинины», как он говорил. Он и ей предложил. Этого она никогда не забу-

дет.

Дело было не в людоедстве, а в том, какое у него в тот момент было лицо. Ему не пришлось преодолевать стыд и отвращение. Он преодолел свою человеческую природу. Нашел себя и стал тем, кем должен был быть изначально. Он вкушал человеческую плоть как Святое причастие. Она и раньше замечала странности в его поведении, но списывала их на шок и нечеловеческий стресс. Ей и в голову не приходило, что все зашло так далеко.

Она ненавидела покойника и сама с радостью перерезала бы ему, спящему, горло. Он был ублюдком, каких мало. Но ублюдком обычным, понятной человеческой природы. А тот, кто поедал его, урча от удовольствия и облизывая пальцы, был уже далеко за гранью. Его рассудок давно катился по наклонной, просто в тот день пологий спуск сменился обрывом. Он улыбался, набивая желудок плохо прожаренной человечины. Нашел завалявшуюся в киоске бутылку кетчупа, сделал из проволоки шампуры. Тогда она решила, что если и умрет, то как можно дальше от него.

Желудок требовал животного белка, но омерзение перебило, и трупик зверька в тот раз достался сородичам. Случись это сейчас, она бы не была столь категоричной.

После этого на какое-то время крысы оставили ее в покое. До того как он проиграл бой безумию, они долго были вдвоем. Он был нытиком и занудой, но, раз уж судьба не све-

ла ее ни с кем другим, она пыталась отыскать положительные моменты в его обществе. Например, благодаря ему она могла считать дни – его часы выдержали испытание огнем, водой и грязью. Как и их редкие беседы, это позволяло поддерживать связь с реальностью. Разговоры с ним были бессмысленны, но именно они не давали ей превратиться в животное, забыть обо всем, кроме еды, что намного хуже, чем смерть. Вначале она находила утешение в тех диалогах. Но постепенно его речь становилась все бессвязнее, пока наконец не превратилась в набор фраз, в котором смысла было не больше, чем в журчании воды. Вернее, смысл был, но для него одного.

В какой-то момент она перестала отвечать ему, а потом прекратила и слушать, глядя сквозь него. Если б она решила заслужить его расположение, то могла бы подыграть и сделать вид, что слышит те же голоса. Может, на время это обмануло бы его, но ненадолго: шизофреники обычно очень проницательны.

Когда у него поехала крыша, она бы с радостью отказалась от дара речи. Общаться ведь было не с кем. Он мог говорить часами, но слова звучали не для нее. Он существовал в своем искаженном мире, где у него были более интересные собеседники.

Хотя реальность норовила уплыть и от нее, девушка знала, что по сравнению с ним нормальна.

Она с трудом поднялась на ноги и выпрямилась во весь рост. Потолок оказался почти вровень с головой. Пахло землей и плесенью. Она бы решила, что тоже умерла, если бы не боль и не голодные спазмы в животе – вещи куда более веские, чем «мыслию, следовательно, существую».

Увы, она не теряла памяти. Это был, так сказать, разрыв непрерывности. Она все помнила, но связь между фрагментами нарушилась, и целостная картина прошлого ускользала от нее. Она не могла объяснить, как очутилась здесь.

Помнила залитые солнцем улицы. Прохладу метро, где дышалось легко после августовского полудня. Станцию, где она провела гораздо больше времени, чем нужно, чтобы дождаться поезда. Полупустой вагон. Потом темноту, наполнившуюся воплями. Грохот, скрежет, скрип. Хлопок, от которого заложило уши и заломило в висках. Воздух, нагретый, как в раскаленной духовке. Огонь повсюду. Жар во всем теле. Туннель. И свет, но уже не оранжевый, а тускло-красный. Затем и тот гаснет, приходит тьма: темные коридоры и комнаты. Люди. Много людей. Ледяная вода. Холод, пробирающий до костей. Огненный ад сменяется ледяным. Снова крики, ярость и еще больше боли. Провал. Мокрые, хлюпающие удары. И на исходе долгой темноты – шепот: «Теперь мы с тобой одни...» Лицо. Вымазанные кровью губы.

«Хочешь кусочек, любимая?» Мутные глаза чудовища и сумасшедший бег во тьме. Долго. Потом тупик. Бежать некуда. Изгибающаяся тень в конце коридора. И тесное помещение, где нет ничего, кроме лежанки, — последняя остановка на этом маршруте.

Она помнила все факты по отдельности, но, как ни прокручивала события в голове, они не давали ответа на вопрос «Что произошло?». Она собирала эту мозаику медленно, осторожно, не торопясь. Догадывалась, что под напором впечатлений рассудок может не выдержать. Было от чего.

Она не успела проснуться, а в голове уже ворочалась мысль: надо уходить, пока не пришел он. Взялась за грубую железную скобу, заменявшую дверную ручку. На ладони осталась бурая полоса ржавчины. Потянула, но дверь не поддавалась. У нее екнуло сердце. Приржавела? Примерзла?

Она дернула сильнее. Бесполезно, не сдвинуть и на сантиметр. Закрыта на засов.

Внезапно остатки сна схлынули, и она вспомнила, увидела так ясно, будто все случилось минуту назад. Плохой человек поймал ее, загнал в угол. Она не знала, сколько дней назад стала его пленницей, время здесь можно было узнавать только по внутренним часам, а те безбожно врал. И даже ударам сердца нельзя было верить — пульс скакал и сбивался с ритма.

Но времени прошло много. И до сих пор она не могла взять в толк, чего он добивается. Вначале думала, что он ви-

дит в ней мясо... но дни проходили, а она была жива. Должна быть другая причина держать ее при себе.

От него можно было ожидать чего угодно, и именно это пугало ее, хотя напугать человека, пережившего то, что случилось с ней, было непросто. Побывав на дне черного колодца, она перестала бояться смерти, поняв, что смерти нет – есть долгий путь через миры и пространства. Существуют вещи гораздо страшнее, и все они здесь, на земле. Совсем рядом.

С момента своего заточения она не видела его ни разу. Он приходил, только когда она спала. Он мог сделать с ней все, что угодно, но вместо этого, наверное, просто смотрел. Значит, и другие объяснения не годились.

По «утрам», просыпаясь от гулкового удара по трубе снаружи чем-то металлическим, она находила в углу пакет чипсов, хлебную корку, половину шоколадки и двухлитровую бутылку воды – еще теплой, растопленной изо льда и, видимо, кипяченой. Он отдавал ей остатки человеческой пищи, а сам питался тем, о чем не хотелось думать. Он мог отравить ее, подсыпав в воду какой-нибудь дряни из медпункта. Но она достаточно хорошо знала его и понимала, что он не станет. Она нужна ему живая и в сознании.

Однажды она попыталась бороться со сном, не спать всю «ночь». План побега был безумным и наивным: броситься на него, когда он склонится к ней или повернется спиной. Причем просто оттолкнуть его и кинуться к выходу нельзя.

Нужно было убить или обездвижить, иначе в тоннеле он догонит ее в два счета.

Но в ту «ночь» дверь отворилась лишь на секунду и тут же захлопнулась. Как ни пыталась она притвориться спящей, он ее раскусил. Он не боялся ее, скорее просто решил наказать за своеволие. Ушел и оставил без еды, словно Санта-Клаус, который дарит подарки только детям, которые вовремя ложатся спать.

Это случилось не меньше пяти дней назад, и с тех пор он приходил регулярно. До сегодняшнего дня. Судя по спазмам в желудке, сутки уже прошли. Конечно, те крохи, которые он ей приносил, только притупляли голод, но теперь не было и их – лишь остатки вчерашнего приношения.

Она снова погрузилась в сон. Но долго поспать не удалось – разбудила режущая боль в желудке и правом боку. Она приподняла потяжелевшие веки. В углу по-прежнему было пусто.

Что же это... Оставил умирать? Или хочет помучить ожиданием, наказать? Оба варианта укладывались в его нечеловеческую логику.

Она протянула руку, нащупала в углу углубление в неровном полу, присыпанное пылью и сором. Ее пальцы сжали холодный металл – она достала из ямки двадцатисантиметровый железный костыль. Либо он не нашел эту железяку, обыскивая комнату, либо не придавал значения. А может,

оставил специально, чтоб соблазнить ее ложной надеждой. Он забрал у нее все, с помощью чего можно было уйти из жизни. Но даже если броситься грудью на эту штуку, только поломаешь ребра.

В тот же день она начала терзать дверь с упорством одержимой – к счастью, та не была обшита металлом, – хоть и знала, что, даже если выберется из сбойки, вряд ли избежит встречи с ним, не говоря уж о том, чтобы выбраться на поверхность. Доски сопротивлялись ее попыткам, хоть и разбухли от влаги... а влага успела замерзнуть. Слетала незаметная глазу стружка, но сосновая древесина поддавалась по миллиметру. Когда инструмент выскользнул из ослабевших пальцев, она сделала перерыв, выпила воды, съела горсть чипсов. Позволила себе передохнуть минут пять и снова принялась за работу. Через два часа голова у нее кружилась, но выбоину на двери было почти не разглядеть. Она поняла, что с ее женскими силами на это потребуется неделя каторжного труда. Даже если бы хватило сил, где взять столько терпения? Руки опустились. Легче было ждать и надеяться, что когда-нибудь он склонится над ней и она вобьет эту штуку ему в висок. Если доберется до него.

Она подошла к двери.

– Куда ты пропал, скотина? – Эхо трижды повторило за ней. – Я есть хочу, ублюдок! Это ты можешь жрать покойников, а я хочу нормальной еды... Где ты?

Она ударила дверь, отбив себе руку. В отчаянии рвану-

ла ее на себя, повиснув всем телом. И чуть не упала, когда та распахнулась с негромким скрипом. Из темного проема потянуло могильным холодом. Не помня себя от радости, она остановилась на пороге. Не давала волю надежде. Потом осторожно, стараясь не шуметь, снова прикрыла дверь. Рано радоваться, он может ждать снаружи, чтобы схватить ее в тот момент, когда она поверит, что вырвалась. У него хватит на это воображения.

Чушь. Он человек, а не демон. Если бы он караулил ее полдня в сыром тоннеле, то умер бы от воспаления легких. Нет, он сидит в теплой подсобке на станции и доедает свою отбивную с кровью. Знает, ублюдок, что ей придется пройти мимо, к выходу. Единственному выходу.

Она снова потянула за ручку, и на этот раз дверь открылась легко, будто приглашая продолжить путешествие. В лицо пахнуло ледяной сыростью, в нос ударил тяжелый, густой запах плесени. Это на материальном плане. На тонких уровнях гамма дополнялась запахами страха, боли и звериной злобы, которые не скоро выветрятся из этих коридоров.

Она смотрела на лед в тоннеле так, будто видела впервые в жизни. С потолка спускались ледяные сталактиты, иней блеснул на трубах и кабель-трассах. Так, кажется, эти толстенные провода назвал Машинист.

Лед выдержал ее вес, даже не прогнулся. До станции было не больше ста метров, она хорошо помнила. Теперь этот путь дался ей куда легче, чем тогда, когда он вел ее в каморку.

Направо... В другой стороне тупик; сплошной завал, который намертво закупорил перегон «Золотая Нива» – «Доватора».

Неизвестно, на сколько хватит сил, но надо успеть.

Она привыкла обходиться без света. Здесь, в тоннеле, это было нетрудно – надо всего лишь двигаться вдоль стены, касаясь рукой зернистого бетона. Она неплохо научилась ориентироваться в пространстве вслепую. Полтора месяца во мраке не прошли даром.

Костыль она захватила с собой. Заставить человека заплатить за то, что не дал ей уйти. Может, его височная кость окажется мягче, чем дерево.

* * *

Она вспоминала.

...Щель была узкой, как крысиная нора. Она едва могла повернуть голову, холодный камень царапал лоб и уши.

Чудовищная сила близкого взрыва заставила твердые породы «поплыть», как зыбучий песок, и бетонированный короб аварийного выхода смялся, как картонный, превратился в узкую щель.

Она долго колебалась, прежде чем поставить ногу на первый уступ. Изломанные плиты нависали, грозя раздавить человеческое существо, как таракана. Пересилив себя, она начала подниматься. Стенки были почти отвесными, но вверх

ху, насколько хватало глаз, в них было много выщербин, куда можно поставить ногу.

Она наполовину скрылась в темной дыре и хотела двигаться дальше, когда цепкие руки стиснули ее щиколотки. Прикосновение холодных пальцев к голой коже заставило вздрогнуть и вскрикнуть. Голос внизу, такой спокойный и ровный, нараспев произнес:

– Нет, дорогая, так не пойдет.

– Отпусти... Я пролезу.

– А я нет. Поэтому и ты остаешься. Все равно наверху не лучше.

– Хочешь, чтоб я тут с тобой?..

Человек не ответил. Просто схватил за ноги и потянул к себе, не обращая внимания на крики. Даже не заметил, что она рассекла руку об острую арматуру.

Наверно, на его лице в этот момент была грустная улыбка.

* * *

Потом она убежала в тоннель. Но другого выхода из лабиринта не было, и он это знал. Остался там, караулить как пес, уверенный, что рано или поздно она выйдет.

Даже если наверху гибель, она предпочла бы гибель медленному гниению здесь. Когда-то она хотела заставить его заплатить за то, что не дал ей выбрать свою смерть, но это было давно. Сейчас не осталось даже ненависти – умерла вме-

сте с остальными чувствами. У нее не сохранилось ничего человеческого, кроме желания жить.

Она шла, пошатываясь и подволакивая левую ногу. Бледное привидение, оживший кошмар – длинные спутанные волосы, закрывающие лицо, делали ее похожей на призрак утопленной в колодце Самары из фильма «Звонок». Тело было ослаблено до предела, но она продолжала идти, доказывая власть духа над плотью.

И все же она чувствовала, что последний резерв почти исчерпан. Плоть была слаба, оболочка из мяса и костей сдавала. Ноги заплетались, подкашивались. Дважды она спотыкалась и падала на колени в мутную воду. Рыча от бессилия, с трудом поднимала себя и бросала вперед, выжимала из измученного тела последнее, на что то было способно.

И вот по направлению воздушных потоков она поняла, что тоннель закончился.

Станция. Она чиркнула спичкой и огляделась. Лесенка совсем рядом. С трудом забравшись на перрон, она зажгла вторую. Здесь все по-прежнему. Та же картина, что потрясла ее в первый день. Потолок огромного зала прогнулся внутрь, словно вывернутый наизнанку купол. Какая силища нужна, чтоб через толщу породы передать импульс, способный мять бетон, как пластилин? Даже ее воображение отказывало.

Потолок рассекали глубокие трещины. Куски бетона и мраморной облицовки устилали ее путь. Хотя нет, это не мрамор. Как там говорил Машинист... Керамогранит.

Там, наверху, дома сровняло с землей, а те, кто успел спуститься в подвалы, изжарились, как мясо в духовке, вспомнила она другие слова Машиниста, хоть с трудом могла вспомнить его самого. Припоминала только фуражку, с которой тот не расставался до конца.

Она не знала, где обитал *этот человек*, и уже собралась двигаться вдоль стены зала наобум, когда ее глаз, привыкший различать сто оттенков темноты, что-то уловил. Даже не свет, а его призрак, преломившийся десятки раз и потерявший девяносто девять процентов яркости. Глаз его не заметил, но мозг, повторно обрабатывая информацию, зафиксировал слабое колебание тьмы.

Она зажгла еще одну спичку. Прошла метров двадцать в том направлении и уже решила, что ей почудилось, когда впереди забрезжил знакомый зеленоватый огонек.

Она обходила огромные завалы из бетонного крошева. В воздухе витал сладковатый запах смерти. Они снесли всех мертвых в тупиковый тоннель, но доставать тела из-под метрового слоя бетона не было сил. Видимо, ему было наплевать на запах, раз он жил здесь. Или в его подсобке хорошая вентиляция.

Спичка погасла, осталось всего восемь штук. Надо дойти, иначе будет худо. У него в камерке должен быть и фонарь, и батарейки к нему. Это поможет ей выбраться отсюда – через лаз, которым она собиралась воспользоваться тогда. Когда

он ей помешал.

Свет шел сквозь неплотно прикрытую дверь рядом с разгромленным киоском и схемой метро на стене. Она аккуратно, чтобы не скрипнуть, приоткрыла дверь, держа наготове оружие, которое ей самой казалось смешным, и оказалась в маленьком тамбуре, из которого вели две железные двери. Не раздумывая, она взялась за ручку левой.

И не ошиблась. Человек был тут, сидел за столом и, похоже, дремал. Подкрадываясь к нему сзади, она старалась двигаться неслышно, но первый же шаг по плиткам пола оказался неожиданно громким. Человек не шевельнулся. Она подошла ближе и, встав у него за спиной, занесла руку для единственного удара. И тут же опустила.

Он был здесь, но это была пустая оболочка. Мертв. Странно, но она не ощутила даже облегчения. Как будто ей уже не было дела.

Едва слышный писк донесся оттуда, где застыло на стуле неподвижное тело. Она отпрянула в сторону и через плечо покойника увидела бурую шевелящуюся массу на столе. Ее передернуло. Их было пять или шесть. Они облепили его голову, как живая шапка, и, отталкивая друг дружку, вгрызались в лицо, в шею. При появлении девушки они ошетинились, но добычу не бросили, уверенные в своих силах. А может, слишком жадные, они торопились съесть самое вкусное, пока не подоспела стая.

Полтора месяца назад такое зрелище убило бы ее на ме-

сте. Но медленное соскальзывание в ад, где каждый следующий круг лишь немного ужаснее предыдущего, подготовили ее. Все эти дни она жила с мыслью: «Это происходит не со мной». Поэтому и вела себя как героиня компьютерной «бродилки», которой управляешь, сидя за монитором в теплой квартире.

– Ах вы сволочи...

Чуть раньше ей на глаза попалась швабра в углу. Серые твари, опьяненные кровью, еще не поняли, что она представляет угрозу, а на них уже летел разостланный мешок из плотного полиэтилена. В такие они паковали тела, пока живых не стало для этой работы слишком мало.

Твари брызнули врассыпную, но по крайней мере четыре запутались. Им и пришлось расплачиваться за всех. Она била по ним, пока писк не прекратился, а конец швабры не покрыла густая, как томатный сок, кровь.

Только после этого она огляделась. В берлоге зверя не было ничего, кроме стола, стула, шкафа из ДСП и старого матраса. Да еще в углу темнела железная бочка, служившая примитивной печью. На столе стояла газовая плитка – полировка во многих местах была прожжена. Рядом лежал фонарик, именно он давал слабый свет.

Но доскональную ревизию она проведет потом. Сначала, продолжая осмотр с гаснущим фонарем, она заглянула в комнату напротив.

Кафельные стены, чистый цементный пол, плотно при-

гнанная дверь. Похоже на раздевалку с душевыми. Она пережила, несмотря на теплый ватник. Откуда-то сверху шел воздух, температура которого была градусов на десять ниже, чем в метро. А потом она заметила мешки вдоль стен и поняла, для чего предназначалась эта комната. Холодильник. А еще она поняла, почему он держал ее в тоннельной сбойке, а не рядом с собой. Не хотел травмировать ее психику.

Она захлопнула дверь, истерически смеясь.

«А ты что ожидала там увидеть? Ангелов, играющих на лирах?»

Это было уже не страшно. И даже не интересно. Как в комнате страха, где точно знаешь, что вот сейчас из-за угла выскочит пластмассовый скелет с лампочками вместо глаз. Она плакала и смеялась, гадая, какие еще аттракционы приготовила ей судьба.

Затем истерика прошла, она сумела взять себя в руки и даже осмотреть ящики стола и шкафы. Как она и предполагала, еды не было. Только немного чая и солонка. Всю человеческую пищу он отдал ей. Еще, к огромному облегчению, там оказалось шесть пальчиковых батареек и десяток декоративных свечек из ларька.

Подумав, она подняла с пола пистолет, обтерла его краем пледа, которым укрывался человек. Пистолет Макарова, который она узнала по фильмам, еще пах порохом. В обойме был еще один патрон.

Настя не собиралась оставаться здесь и уж тем более ло-

житься на этот вонючий матрас. Она покинет это место, как только утолит голод.

Вода в помятой кастрюле на газовой плитке быстро вскипела. Вскоре варево из грызунов было готово. Поев мяса, которое на поверку оказалось похожим на крольчатину, она взяла со стола тетрадь и с трудом разлепила страницы. Часть текста было не прочесть, но ей и не требовалось. С безразличным интересом она читала дневник мертвеца, который считал себя ее спасителем. Мертвецом он стал еще до того, как засунул ствол себе в рот и нажал на спуск.

Глава 3. Тьма в конце тоннеля

Она вспоминала.

Сначала краски были тусклы, как на старой киноплёнке. Все происходило беззвучно, что усиливало сходство с немым кино. Но постепенно картинка становилась четче и ярче, вместе с шумом и голосами наполняясь жизнью. Она поняла, что видит себя со стороны.

Она стояла одна на пустой платформе, ожидая поезда. И не важно, что от станции десять секунд назад отошел состав, в который загрузились два десятка человек, спустившихся в этот субботний полдень в метро.

Ей с ними было не по пути. Люди в этот выходной ехали веселиться в приятной компании, смотреть кино или делать покупки в каком-нибудь ТРЦ. А она доедет до конечной станции «Доватора», открытой буквально пару лет назад. Там хорошо пройдет пешком и окажется у ворот старого Гусинобродского кладбища. Вход свободный, билеты не нужны.

Нет, она не теряла никто из близких людей. Во всяком случае, недавно.

Там она будет бродить по темным аллеям среди новых и старых оградок и гранитных памятников, слушать пение птиц и вдыхать воздух, наполненный эманациями забвения. Многих ее сверстников, называвших себя неформалами, то-

же влекло в такие места, но совсем иное. Они ломали ограды, выцарапывали на надгробиях матерные слова и свои имена, мочились на могилы, по-детски упиваясь своей аморальностью и вызовом, который, как им казалось, они бросали высшим силам. Таких она от души презирала. Для нее кладбище было местом отдохновения, исцеления душевных ран.

О смиренное кладбище, как хорошо там, где нет никого. И пусть иногда, при виде свежего надгробия с молодым лицом, защемит сердце... но эта боль не идет ни в какое сравнение с той, которую испытываешь в мире живых. Она жалела только о том, что в новых городах не строят фамильных склепов. Вот бы иметь такой. Хотя лежать там придется одной.

В тот день она проснулась рано. Всего за полчаса привела себя в порядок, сделала макияж, надела любимую длинную юбку и черную блузку, похожую на средневековый корсет. Джинсы и мини она недолюбливала. Туфельки на шпильках – не лучшая обувь для таких походов, кеды никак не вязались с общим имиджем, поэтому она надела черные полусапожки, хоть в них было жарковато. Поджившие порезы на запястье прикрыл шипастый браслет. На груди, под одеждой, чтоб не шокировать людей, висел маленький бронзовый пентакль. Она чередовала его с крестом, по настроению.

Она пересекла пустой двор, сквер и две нелюдные улицы и оказалась в прохладе подземных коридоров метро. В пустую квартиру она вернется после захода солнца. Торопиться некуда. В целом мире ее ждет только кошка, но с пол-

ной миской корма та потерпит, проведет этот вечер без нее. Должна же понимать, что хозяйка тоже любит одиночество.

На перроне было малоллюдно. Две влюбленные пары, неприлично счастливые, стояли поодаль, поглощенные своим одиночеством вдвоем. Зависти в ее душе не было. Ей дано было видеть то, чего те в своей временной слепоте не замечали. Страшный дар Кассандры, которым Бог наказывает тех, кто перед Ним провинился.

Дурочки. Это сейчас вы светитесь изнутри, держась за руку вашего «рыцаря в сверкающих доспехах». Крепкое плечо, надежная опора... Верьте, верьте. Года не пройдет, и ваша каменная стена даст трещину, которая с каждым днем будет все глубже. Сначала он будет называть вас «любимая», но из этого слова уйдет любовь. Потом «дорогая», но вы поймете, что он имеет в виду только затраченные на вас деньги. Потом просто «жена», в знак вашего статуса, который один вас связывает. И наконец, «корова». Это сейчас вы не можете друг на друга надыхаться. А скоро он будет рад проводить время где угодно – перед телевизором, в гараже, даже на работе, только не с вами. А потом случится так, что вы вернетесь домой раньше времени и застанете его с соседкой.

Не застанете и не догадаетесь? Да, глупость одного или обоих создаст для окружающих видимость идеальной семьи. Но даже без эксцессов чувства тихо кончатся к исходу второго года. Любовь, которой не было, развеется по ветру; принц исчезнет, останется только конь. В лучшем случае в

итоге вы получите алименты, а в худшем – проведете остаток дней с человеком, который вам так же близок, как первый встречный.

И поделом, если у вас извилины в голове параллельны.

Она еще не встречала мужчину, который стоил бы того, чтоб общаться с ним дольше одного вечера. Дабы отвадить назойливых ухажеров, она как-то «проговорилась», что предпочитает девочек. Правда, то была палка о двух концах: неформалы – люди широких взглядов, и после этого «признания» пришлось выдерживать приставания слабой половины их тусовки. Но это было проще, да и в той компании она появлялась не чаще раза в неделю. Иначе делалось тошно.

Так что зависти не было. Была мысль о том, что жизнь – пошлая и несправедливая штука.

Смерть, впрочем, тоже.

«Выхода нет».

Эта надпись красными буквами горела над стеклянными дверями, пропускавшими людей только в одну сторону. В метро.

Поезда выныривали из темного тоннеля, обдавали ее волной сухого жара, замирали рядом на несколько мгновений, чтобы вобрать в себя тонкий людской ручеек и со свистом унести, оставляя ее наедине со своими мыслями. Так же и жизнь мелькала у нее перед глазами, недостижимая и чужая.

Она стояла на порядочном расстоянии от края, чтоб не

привлекать к себе безразличного внимания. Хотя прекрасно понимала, что в любом случае никто не стал бы ей мешать. Никому нет дела. Эти люди перешагнут через умирающего, думая о том, как бы не запачкать обувь.

Время шло, и с каждой минутой на станции становилось многолюднее. Взгляды скользили по ее лицу, не задерживаясь ни на секунду. А даже если б задержались, то все равно ничего не смогли бы прочесть. Жизнь в мегаполисах приучает не обращать внимания на тех, кто стоит рядом, пока их поведение укладывается в стандартную схему. И в этом есть своя прелесть. Люди все равно не захотят, да и не смогут помочь, так пусть не путаются под ногами.

На табло над черным зевом туннеля сменяли друг друга светящиеся цифры, словно отсчитывая чьи-то последние секунды в этом мире: 33, 32, 31, 30...

«It's the final countdown... – вертелся в голове припев песни из времени молодости родителей. – The final countdown...»

Наконец в конце тоннеля вспыхнул огонек. Он увеличивался – медленно, словно давая возможность подумать. И она думала об этом каждый раз, приходя сюда. И сегодня тоже. Мама говорила когда-то, что вздохнет с облегчением, когда они через пару месяцев навсегда переедут в город, где нет метро. Глупая. Не думала, что кроме метро есть еще поезда и трамваи, таблетки, веревка, бритва и крыша девятиэтажного дома. Ничего не сделала, чтобы уменьшить ее боль,

и даже не понимала причин боли, считала обычной подростковой блажью. А сама меняла кавалеров и пропадала на работе целыми днями, от силы раз в месяц вспоминая, что у нее есть дочь.

При номинально живых родителях Настя чувствовала себя сиротой. Уже давно. И никто не знал, даже не пытался узнать, что творится у нее в душе.

Она представляла, как делает *это*, десятки... нет, сотни раз. Высчитать момент. Закрыть глаза, чтоб не было соблазна передумать. Сделать шаг, как бы невзначай. Потом другой. Третий. Задержаться у края, слыша запоздалые вскрики удивления. Ничего, пусть наслаждаются зрелищем, им ведь только это нужно.

И пока все застыли в немом оцепенении – занести ногу над пустотой.

Гори, постылая жизнь.

Даже если не попадешь на проводящий рельс и не будешь мгновенно убит током, дергаясь как паяц, думала она, встречи с колесами не избежать. Оттуда не выбраться, даже если в последний момент ты пересмотришь взгляды на жизнь. А тормозной путь у состава длинный.

В этом месте ее мысли всегда прерывал рев приближающегося поезда. Она оставалась на месте и даже чуть отступала.

Но теперь все будет иначе.

Она видела это уже не «от первого лица», а со стороны. Вот девушка в черном шагнула вперед и, не обращая внимания на предостерегающие крики, оказалась на самом краю платформы. В тот момент, когда нос локомотива уже показался из чрева тоннеля. Вот она наклонилась вперед, отталкиваясь ногой для последнего шага. А потом волна сухого горячего воздуха налетела на нее, закружила и понесла за собой.

* * *

Вокруг было темно. Ноздри щекотал до боли знакомый запах дыма. Глаза слезились, дико болела голова.

Ей стало не по себе, потому что она не могла отличить бред от реальности, как ни старалась. Кошмар на станции был похож на явь больше, чем то, что произошло с ней за последние полтора месяца... если полагаться на память. Но это легко проверить, стоит только открыть проклятый дневник.

Она попыталась пошевелить рукой, но наткнулась на преграду. Та была мягкой и эластичной, но поддаваться не желала. Еще не придя в себя, она забилась, как муха в «кокон» паука, и сильный толчок в бок окончательно привел ее в чувство. С трудом она нащупала застежку и расстегнула молнию.

Снаружи было ничуть не светлее. Но это была жизнь, мир людей... Вернее, миром людей он был раньше, а теперь мог

быть чем угодно. Даже миром смерти. Кто знает, что творится там, наверху?

Ее зовут Анастасия Заречина. Ей двадцать один. Она ничего в жизни не имела и поэтому не так уж много потеряла. И теперь она находится на станции «Золотая Нива» в метро родного Новосибирска. В спальном мешке, на деревянной скамейке в запертом изнутри подсобном помещении, где у стены стоит в ряд шанцевый инструмент работников метрополитена. В углу чадит импровизированная печка.

С ней дневник человека, который спас ей жизнь дважды, только для того чтоб превратить эту жизнь в ад. Она читала его записки урывками, перескакивая от фрагмента к фрагменту. Их содержание она и так знала.

День 1-й, он же последний

Меня зовут [закрашено маркером].

Нет уж, пусть никто не узнает, как меня звали. Кого теперь колышет? Я уже сдох, раз к тебе попали эти каракули. Но не радуйся, сука этакая. И ты, мой дорогой читатель, скоро за мной последуешь. Так что останусь анонимом до самого близкого конца (твоего). На моем месте мог быть любой. Даже ты, придурок, который тратит драгоценное время на чтение этого злобного высера, вместо того чтоб добывать жратву.

Я не «пейсатель» и не журналист, поэтому слог у меня не ахти, уж прости. Но, думаю, слог и не требуется. Я ж не ро-

ман писать собираюсь. Просто у меня появился пресс свободного времени, и надо его занять. Убить время, пока оно не прикончило меня в этой долбаной норе.

Жил я в славном городе Бийске. Было мне 33 года. Как тому, распятому, да. Наверно, с этого нужно начать.

В последний раз я открывал дневник шесть лет назад, но это был другой «я». Слезливый кретин, который страдал от бессонницы, маялся от несчастной любви и пописывал стишки по ночам. «Ах, в огороде выросла морковь, у меня несчастная любовь».

Жалкое зрелище, да? Говорят, многие творческие люди через это проходят. Ну, не знаю, можно ли себя к ним относить. Все мое творчество не шло дальше стихов и рассказиков в Интернете. Один из них, казавшийся мне лучшим, черт меня дернул отправить в тематический журнал.

Это был психологический триллер. Гремучая смесь Эдгара По и Лавкрафта с Сартром и Камю. Экзистенциальный кошмар, где вместо мертвецов, восстающих из гроба, – древние архетипы, которые таит в себе подсознание. История про обычного положительного человека, которого темная сторона психики толкала стать маньяком. Он долго и упорно сопротивлялся, но потом уступил темным страстям. «И Тьма Восторжествовала...» Смешно. Теперь я назвал бы так то, что произошло с нами.

Естественно, меня отфутболили. Рецензию написали вежливую, но между строк легко читалось: «Больше не пиши,

ибо не фиг».

Мне было худо. Мне-то рассказ казался квинтэссенцией моих размышлений о природе бытия и небытия. А они... В тот же день я убил свой раздел на портале сетевых графоманов. Поскидывал стихи и прозу в топку с помощью клавиши «DEL».

Дальше больше, процесс перерождения пошел по нарастающей. Первым делом перестал читать философствующих мудозвонов. Их потуги на знание высшей истины теперь вызвали рвоту. Выбросил из головы всю романтическую херню, начал общаться с простыми парнями, которые думали, что Шопенгауэр – это чисто композитор. Фамилию датского философа Кьеркегора они не выговорили бы даже на трезвую голову. Стал бухать с ними за компанию, хотя раньше считал алкоголь уделом дегенератов. Но ничего, втянулся. И с запозданием научился общаться с людьми. К тому времени я был на четвертом курсе. И в общем, стал как все. И вот чудеса – бытие в натуре определяет сознание! Исчезли бессонница, мысли о самоубийстве, навязчивые страхи... Дядя Зигмунд отдыхает. А скоро и судьба повернулась передом. Нашел нормальную работу в шараге по установке пластиковых окон. Через год влез в долги и купил у другана не очень старый «фокус».

Да и проблемы с противоположным полом решились сами собой. И дело тут даже не в баблосе, не в том, что вместо поездки на скотовозе я мог распахнуть перед телкой дверцу

собственного авто (хотя и в этом тоже). Просто никто не любит умников. Женщины сами охеренно просты. И еще надо быть психологом, и тогда пикапинг так же легкий, как гоп-стопинг. Уломать можно хоть английскую королеву, была бы необходимость.

Вскоре я женился на одной бабенке – задолбало самому стирать носки и приходить в квартиру, где нет ужина на столе. Естественно, ее телом я себя ограничивать не собирался, с этим ей пришлось смириться.

Жизнь вошла в колею и больше из нее не выходила. Работа, жена, две любовницы, друзья, гараж. Все как у среднестатистического россиянина. Дачи только не было, но на хрен нужно ковыряться в земле? – думал я тогда. Теперь-то понял, что в ситуациях, когда мир летит в жопу, хорошо иметь домик в деревне. Все сильны задним умом.

Так бы оно и шло до самого конца, если б я взял отпуск и отправился на юга, как собирался сначала, а в командировку в этот долбаный Новосибир вместо меня поехал бы другой. Но у меня были хорошие отношения с шефом, и я согласился. Нужно было привезти очень нужную хрень (тебе ее название все равно ничего не скажет), которую по нынешним кризисным временам в нашем городе было не достать.

Но, как говорят, «судьба распорядилась по-иному». Решила, что, достигнув возраста Христа, я должен буду круто изменить свою жизнь. Ну очень круто.

Я планировал к позднему вечеру быть дома, пить пиво и

смотреть мой любимый «Комеди-клуб». Но как там в анекдоте: «Хочешь рассмешить Бога – расскажи Ему о своих планах». Вышло так, что уже в черте города моей тачиле настал капут. Подвел карбюратор. Как в анекдоте, блин: «А где машина?!» – «В реке!» Еле дотянул до автосервиса. И пока я исчерпывал запас матерных выражений, прикидывая, во сколько станет ремонт, в моей башке крутилась одна мысль: как быть мне, грешному? Съездить за товаром нужно было край в первой половине дня.

Так я оказался в метро, ст. «Маршала Покрышкина». Спасибо карбюратору – иначе обжарился бы до хрустящей корочки.

Метро в Новосибирске, ежу понятно, не чета московскому. Интерьер попроще, никаких тебе статуй и люстр, как в Большом и Малом театрах. Зато я еще не видел, чтоб там было не протолкнуться. С запасом построили, в расчете на увеличение населения, похоже.

Я никогда не верил в судьбу, но не могу отделаться от мысли, что наша встреча не была случайностью. На первый взгляд в ней не было ничего inferнального. Обычная девчонка, косящая под гота. Сейчас таких уже почти не осталось, как и эмо.

Но видели бы вы ее глаза. Как это назвать, кроме печати обреченности, не знаю. Искренней, не выдуманной! В первый раз я заметил ее еще на лестнице. Она спускалась передо мной, так что я мог ее хорошенько рассмотреть с само-

го удобного ракурса. Не буду тягаться со всякими Блоками, Тютчевыми и прочими. Она была симпатичной, на этом и остановимся. Все на месте. Я решил, что этого достаточно, чтоб попытать счастья. В конце концов, вечер у меня был свободен – позвонив мастеру, я узнал, что машины на ходу мне не видать до утра. У меня был кореш в городе, в случае чего нашлось бы где переночевать. Но, глядя на нее, я подумал, что возможен более приятный расклад.

С некоторых пор моим кредо стало: «Попытка не пытка». Я не ждал у моря погоды и за проявленную инициативу часто получал награду в виде свежего тела. Само собой, бывали проколы. Некоторые отшивали мягко, некоторые не очень. Ну и ладно, я не гордый.

Но она, как выяснилось, относилась к третьему, особому типу.

– Почему грустит такая красивая девушка? – начал я стандартно.

Она посмотрела на меня так, будто с ней заговорил светфор. Или собака. Или труп. Ничего не ответила.

– У меня тоже бывали трудные времена, – выдал я экспромт. – Не отчаивайся. Все проходит, и это пройдет.

Она тихо рассмеялась и произнесла:

– Тоже мне, царь Соломон... Вот и ты проходи.

«Странная», – подумал я, пожимая плечами. Но интереса к ней только прибавилось.

Мы сели. Народу было немного. По экрану в вагоне крутили новости, похожие на фильм-катастрофу. Или наоборот. Я смотрел одним глазом; точнее, делал вид, что смотрю. Нас разделяло полвагона, но я видел ее хорошо. Она глядела в окно, в темноту тоннеля, погруженная в себя...

Но вот мы подошли к кульминационному моменту.

Все произошло неожиданно и буднично. Только что все было спокойно, кто-то клевал носом, кто-то рассматривал потолок, кто-то, как я, думал о своем – и вдруг началось.

Мы недалеко успели отъехать. Вдруг погас свет. Дикий скрежет тормозов. Мы резко остановились, у меня клацнули зубы, а кто-то, судя по грохоту, растянулся на полу. Мы ждали долго, нам ничего не говорили. Похоже, в диспетчерской сами не понимали, что творится и как быть. Вскоре стало душно. У кого-то начали сдавать нервы. Кто-то возмущался, кто-то жаловался плаксивым голосом. Наконец по громкой связи объявили, что пассажирам надо по одному, не создавая давки, покинуть состав.

Легко сказать, блин. На ощупь! Двери открылись, и мы начали выходить, натыкаясь друг на друга, задевая за поручни и тычась в стены, как слепые. Но все же выбрались.

В тоннеле было ощутимо холоднее. Вскоре к нам подошел и Машинист с фонарем.

Нас оказалось человек сорок на весь состав. Сначала все толпились гурьбой, но Машинист худо-бедно выстроил нас в колонну. Мы, как пассажиры первого вагона, оказались в

голове. Всматриваясь в темноту, я увидел впереди огонек – пресловутый свет в конце тоннеля. Это наконец сработало аварийное освещение на станции «Березовая роща».

Туда мы и пошли. Перегон показался дюже длинным, хотя Машинист и сказал, что тут всего километр с лишним. Тоннель в этом месте прямой как стрела, поэтому мы и видели огонек.

На «Березовой роще» народу оказалось много и царил полный бардак. Рядом с платформой застыл на обесточенных путях темный поезд. Работники метро выясняли отношения с ментами из станционного пикета, и с двух сторон на них наседали народ. Все орали, матерились. На нас никто не обратил внимания.

– Что это было, вы нам скажете? – прицепилась к машинисту дамочка бальзаковского возраста, которая достала меня своей болтовней еще в вагоне.

– Конец света, нах, – ответил за него мужик в кепке.

– Ядерная война, – уточнил лысый тип в очках.

– Или просто звездеч, – подвел итог Машинист.

– Нас не достанет? – не очень уверенным голосом спросил у него парень, по виду студент. – Я читал, что в метро есть оборудованные убежища.

– Больше лажи читай, – смерил его взглядом пожилой мужик. – Мало ли че там планировалось. Тут не Москва, все станции неглубокого залегания. Да и в Москве метро – это не убежище, а душегубка, мля. От ядерной атаки не защитит. А

если и защитит, то лучше не надо. Стойте здесь, я разведу обстановку.

Он собрался подойти к спорящим, но не успел. До нас долетел далекий гул, а пол задрожал под ногами. Мы, с поезда, еще держались кучкой с краю, не смешиваясь с остальными.

Машинист отреагировал мгновенно:

– Кто жить хочет – сюда!

Он рванул на себя какой-то люк, прыгнул... и исчез. Большинство стояли столбами. Но мы, человек десять, которые находились ближе всего, кинулись за ним.

По лесенке мы скатились вниз. Метра на два. В длинный бетонированный желоб, который, видимо, проходил под всей платформой. Коллектор, как сказал потом Машинист. Там было по колено мутной воды, плавал мусор и пузырилась мерзкого вида пена. И в это дерьмо нам пришлось улечься. Женщины плакали, мужчины матерились. В эту узкую канаву мы набились как шпроты в банке.

– Лицом вниз! – скомандовал изверг, подавая пример. – Вниз, мля, если жить хотите! Задержите дыхание!

Через десять секунд мы лежали, не позволяя себе шелохнуться.

А потом накатило. Надо мной пронеслась волна раскаленного воздуха, и я распластался, как камбала, глотая мерзкую воду и царапая лицо. В первый момент боли не было, но потом я насчитал на спине пять волдырей.

Вода стала горячей, как в батарее отопления. Теперь я по-

нял, что чувствовали раки, которых мы с корешами варили на природе. Тряска прекратилась, а грохот все продолжался. Наверху, на станции, что-то падало. Даже через толщу воды я слышал раскатистый грохот.

Казалось, это продолжается вечность. Наконец я почувствовал, что спина больше не горит. Мы высовывались из воды, глотая раскаленный воздух. До сих пор не понимаю, как мы пережили это дело.

Я посчитал людей по головам. Одной не хватало. Я почему-то сразу понял, что ее. Протянул руку и нащупал ее волосы. Наверно, потеряла сознание и наглоталась воды. Я рывком вытащил ее и прислонил к стенке желоба. Искусственного дыхания не понадобилось – из носа и рта у нее потекла вода, она закашлялась и начала судорожно дышать. К счастью, часть воды выкипела, иначе мы бы все могли захлебнуться. Лестница, как и все металлические части, так нагрелась, что на ней можно было жарить мясо, и нам пришлось ждать. Это было невыносимо.

Выбрались мы оттуда грязные, как сволочи, но живые. И хоть промокли до нитки, но быстро высохли – жарко было, как в Сахаре, дышать трудно, гарь щиплет ноздри и ест глаза. Закрыли лицо чем попало, идем-бредем. Пол раскаленный. Кто был в тапочках-вьетнамках или босоножках, запрыгали на одной ноге. Йоги, блин, на угольях. Я был в кроссовках, так те аж оплавились.

– Вот суки, – бормотал под нос Машинист, выжимая фу-

ражку. — Гермозатворы на новых станциях не поставили... Выжгло все метро, как нору Бени Ладена. Сэкономили, значит, сволочи... Хотя толку-то — надевай не надевай, все равно оттрахают... — Тут он надолго замолчал, погруженный в свои мысли.

Только теперь я заметил, что остальные пассажиры нигде не укрылись. Большинство не успели или не поняли, а может, пачкаться не захотели. Они не обуглились, как я ожидал. Просто обгорели. Один был еще жив и слабо шевелился. Хрипел. Наверно, легкие сожжены.

Запах жженой резины был невыносимым, напрочь перебивая запах горелого мяса.

Это было не аварийное освещение. Станция горела. Не вся. Чему там гореть, там же только бетон?

— Что встали, болезные? Им уже не поможешь. Пошли бегом, бегом!

Так моя жизнь перевернулась с ног на голову и я снова стал тем, кем был шесть лет назад, — жалким, потерянным одиночкой. Мне оставалось только следовать за всеми в надежде спасти свою жизнь. Тогда я не знал, что все бессмысленно.

* * *

Она вспоминала.

Они бежали по тоннелю, а вода догоняла их. На станции

«Березовая роща», которую они оставили пять минут назад, вода уже плескалась на платформе. К счастью, тут был подъем, почти незаметный, градусов пять.

— Линза, что ли? — бормотал Машинист себе под нос непонятное. — Нет, многовато для линзы, льет и льет. Плотина? Да, плотина явно накрылась, но далековато для нее. Речка... Ну это всем звездам звезд. Тут, когда строили, проблем с водой было море. Че встали, покойнички? Вперед!

Не раз и не два им путь преграждали завалы, но те всегда оказывались не сплошными, и люди пробирались среди нагромождений бетона и породы. В одном месте путь им преградила огромная железобетонная балка. Там, где она упала, в тоннель просыпалось не меньше тонны грунта и камней.

Они шли по колено в грязной, мутной жиже. Но и та не стояла на месте — как самая настоящая подземная река, она неслась им навстречу, норовя сбить с ног и увлечь за собой.

— Этот перегон длинный, почти два километра, — сказал Машинист, не сбавляя темпа. — Силы рассчитывайте. Упадете, пеняйте на себя. Будете как эти.

Все его поняли. Три минуты назад они прошли мимо нескольких тел, правда, те люди сначала угорели, а потом уж утонули. Теперь трупы покачивались на черной маслянистой поверхности и двигались за ними, увлекаемые наступающей водой, словно преследуя их.

Один раз она упала, но тот самый плотный, коротко стриженный мужчина, который пытался подбивать к ней клинья

на перроне, помог ей подняться и некоторое время вел под руку. По сути, он спас ей жизнь, ведь остальные даже не остановились. Она была благодарна, но что-то в его прикосновении ей не понравилось.

Мимо проплыл, держась за кусок фанерки, черный комок. К счастью, она поняла, что это, когда он уже скрылся из виду.

– Крысы. Крысоньки, родимые мои, – пробормотал Машинист. – Радость-то какая.

– С ума сошли?

– Баран. Если они не сдохли, значит, воздух есть. А вообще они звери хорошие. Мы им тут иногда кусочки сальца оставляем. Да не бойтесь, не сожрут. Не их бояться надо.

До станции «Золотая Нива» они добрались полуживыми. Освещения не было в помине, и они с трудом нашли лесенку и вскарабкались на платформу.

* * *

День 2-й

Как ни странно, мы еще живы. Нас здесь девять, все мы пассажиры того «счастливого» поезда. На станции живых не оказалось. Мы в относительной безопасности, у нас есть вода и пища и, самое главное, крыша над головой. Не завидую тем, кто был наверху.

Но я отвлекся. Честно говоря, именно сегодня я начал вести дневник. Записи за прошлые дни сделаны задним чис-

лом, по памяти. Поэтому они такие длинные и пространные. Дальше буду краток.

Две новости. Плохая и очень плохая.

Плохая. Мы в ловушке. Пробовали все выходы со станции – нигде не пройти. Один из взрывов явно был наземным. Машинист – я все говорю по его словам – сказал, что тот наверняка вызвал разрушение всех подвалов и подземных сооружений в радиусе... черт его знает, забыл. Досталось и метро, особенно новым неглубоким станциям и перегонам. Из-за подвижек осадочных пород и грунта, а также из-за каких-то нарушений технологии при строительстве. Торопились к сдаче, видать.

У покойного начальника станции оказались ключи к служебным помещениям, в том числе и вентиляционным шахтам. Машинист ходил проверять их. Вернулся мрачный. Все, говорит, тоже завалены. Обломками новостроек, которые понаделали наверху. Точечная застройка, мать ее.

Слава богу, до нас вода не дошла. Зато «Березовая роща», похоже, превратилась в подводное царство. А в тоннелях восточного направления сплошные завалы.

Очень плохая. Продуктов хватит дня на четыре.

Что дальше?.. Даже любопытно.

День 3-й

Опять две новости. Но на этот раз есть хорошая.

Нашли выход! Возможно, одну вентиляционную шахту,

ближе всего к станции «Доватора», можно попытаться очистить.

А плохая... Плохая в том, что наверху, по словам Машина, смерть. Какой там уровень радиации и сколько до эпицентра, никто не знает.

День 6-й

Два дня было не до записей. Работали как герои-стахановцы.

На самом деле это были лучшие два дня нашего плена, хотя все уставали как проклятые и рисковали в любой момент быть погребенными под массой потревоженных камней. Зато у нас была цель и подобие единства.

Мы не были уверены, что сможем расчистить этот выход, но решили попытаться.

Вначале казалось, что завал представляет собой измельченный грунт и обломки, которые принесла с собой взрывная волна. Он говорил, каждый из них дает нехилый вторичный фон. Но об этом мы не думали, свобода казалась такой близкой.

Выгребали ведрами шлак, спекшуюся землю, похожую на песок, породу, кирпичное и бетонное крошево, оплавленные куски металла, даже фрагменты костей. Кто покрепче, носили крупные обломки.

И вот мы закончили. Проход был расчищен. Не наша вина, что он никуда не вел. Чуть выше разобранного завала

вентиляционная шахта коробилась, сжимаясь в узкую щель. Не было и речи о том, чтобы пробиться здесь. Тут был нужен отбойный молоток или аммонал.

День 7-й

Выхода нет. Это надломило нас, после этого все пошло вразнос.

Мы больше не одна команда. Начались дразги по любому поводу.

Утром Наталья, та самая болтушка, начала причитать, что все мы умрем. Надо же, Америку открыла. Мне лично наплевать. Но Степан, простой рабочий парень, потребовал, чтобы она заткнула хайло, а когда та проигнорировала, начал трясти ее как грушу. Это не помогло, тетка стала кричать еще громче, и тогда он заехал ей в глаз. Машинист попытался его урезонить, хотя, наверное, и его достала эта кликуша. Сцепились. Кончилось тем, что драчуна заперли в сбойке. Потом, правда, выпустили. Вроде успокоился.

Сильные стали звереть, слабые – впадать в ничтожество. У нас еще достаточно еды и чистой воды. Но мы похоронили себя заживо.

И еще. Все заметили, что стало ощутимо холоднее. К счастью, Машинист нашел в станционных помещениях теплые ватники, портянки и рукавицы.

День 8-й

Как они все осточертели. Что за сборище зануд и дебилов... Почему в этом последнем пути мне не попались нормальные попутчики?

Видеть их не могу. Всех, кроме нее, конечно. Увы, она по-прежнему далека от меня, апокалипсис ничего не изменил. На днях снова пытался предложить ей поддержку. Глупо, конечно. Она посмотрела на меня и сказала: «Да на здоровье. Хотите быть моим рыцарем? Пожалуйста. Уступите мне свою долю чипсов». Вот сучка.

Думаю, психологу было бы интересно понаблюдать за нами. Наглядный пример проявления темпераментов в экстремальных условиях. Каждый реагирует на обрушившийся на нас кошмар по-своему. Кто-то целыми днями ноет и причитает (не буду называть имен), кто-то бесится и кричит на всех, кто-то пытается неубедительно изобразить из себя героя, ободрить всех и успокоить, а кто-то тихо сидит в углу, считает про себя до миллиона и сходит с ума. Как я, например.

День 9-й

Умер профессор. На самом деле он умер вчера, просто я был не в настроении писать. Нет, мне его не жалко. Можно сказать, ему повезло. Умер естественной смертью, от инфаркта или чего-то в этом роде. Наверно, истощение сыграло не последнюю роль. Черт, не могу даже вспомнить его фамилии.

Одним ртом меньше, больше нам останется.

День 10-й

Сегодня обнял ее, просто чтоб успокоить. В мыслях не было ничего такого. Вот дуры бабы. Вечно им кажется, что ценнее их прелестей ничего на свете нет, даже когда вокруг все на хер рушится. Смешно.

Взбеленилась:

– Что, так хочется? Ну, тогда убить меня придется. Потому что потом все равно спать ляжешь. А я... – Она показала на ножик, который лежал рядом на столе.

Психичка, блин. Я-то сама невинность.

А вот Степка, пожалуй, имел такие виды. Тоже на нее паялся. Но пусть попробует, гнида.

Шутки шутками, но с нами всеми неладно. Мы стали бояться друг друга. Я точно знаю, что у одного из нас есть ствол. У мертвого мента пустая кобура.

Но у кого? Я молчу – пусть думает, что мне ничего не известно.

Холод собачий. Оделись тепло. Станет еще холоднее – будем жечь костры. Вентиляция вроде есть, воздух куда-то тянет.

День 11-й

Наш храбрый лидер покинул нас. Ушел в затопленный тоннель и был таков. Забрал рюкзак с едой и водой, нам оста-

вил крохи. Тоже мне, дайвер. Оставил записку, типа «Я приведу помощь». Уже день прошел, и слабо верится, что он добрался. По моим прикидкам, плыть там местами придется под водой. А вода-то уже ледяная.

Надеюсь, эта сука сдохнет.

День 12-й

У нас заканчивается еда.

Все, что осталось, мы разделили на равные порции. Очень маленькие. Долго не продержимся. Ума не приложу, что дальше.

День 13-й

Умерла Наталья. Похоже на пневмонию – кашляла много. Ничего не смогли сделать.

Ну, хоть отдохнем от ее криков. Нас осталось шестеро.

День 14-й

Порции пришлось уменьшить еще на треть, теперь мы приблизились к нормам блокадного Ленинграда, и все равно их не растянуть навечно. Ну нет у нас Христа, чтобы накормить всех буханкой хлеба.

Бутилированная вода тоже кончилась. Пьем ту, что в баке. Правда, это не вода, а ржавая дрянь.

Но вовсе не это беспокоит меня сильнее всего. С ней в последнее время что-то происходит. Похоже, девчонка с каж-

дым днем глубже и глубже уходит в себя. Даже предположить не могу, что она переживает там, внутри. Мне жаль ее, но ничего не могу поделать.

День 15-й

Вчера случилось маленькое ЧП.

Супруги N повесились в душевой. Requiescat in pace, как говорится.

Аж завидно... Может, зря тяну? Нет, нельзя так думать. Надежда умирает последней, ха-ха-ха.

День 16-й

Мне не нравится, как они на нее смотрят – студент и люмпен-пролетарий. Достаточно прозрачно намекнул, что, если кто-нибудь дотронется до нее, будет иметь дело со мной. Шакалы. Больше ни на шаг не отойду. Не хочу оставлять ее наедине с этими выродками. Мне очень не нравится, как они на нее смотрят.

Эти уроды между тем устроили на станции маленький концлагерь. Нам почти ничего не перепадает из еды.

Сегодня замерзла вода. Что там наверху творится, зима пришла, что ли?

День 17-й

Сегодня убил их обоих.

Началось еще вчера – попытался намекнуть о жратве, и

этот урод назвал меня козлом. Не люблю, когда меня так называют. Я его не провоцировал, вообще был само спокойствие. У меня долгое терпение. Но когда оно кончается... лучше рядом не находиться.

Зря они не убили нас. Видимо, держали, как стадо, на убой. А не запирали, поскольку были уверены, что сильнее, да и ствол у них. Бараны. Даже не понимали, на что я способен.

Спали они чутко, но я знал, что сумею подобраться. Я давно припрятал тот самый нож, которым она меня страшила, острый как бритва. Стоило мне его коснуться... Это было как наваждение. Провал – словно кусок записи стерли. Я помню только, что, когда ко мне вернулась способность мыслить, они не шевелились и кровь была повсюду.

Так решаются межличностные конфликты в маленьком коллективе.

Странно, но мне ни капельки не жалко. Ничего не чувствую, кроме облегчения – теперь ей ничего не угрожает. А этим туда и дорога. Я бы снова прирезал их, не задумываясь.

Остались только мы вдвоем. Но меня сильнее всего поразила ее реакция. Точнее, отсутствие реакции. Она не сказала ни слова, только головой мотнула и ушла в свой угол. Похоже, она окончательно замкнулась в своем мирке, а этот для нее исчез. Я ей завидую.

Одно я знаю точно: теперь нам хватит еды еще на пару месяцев. А там можно что-нибудь придумать.

День 18-й

Неблагодарная сучка. Я ее боготворил, ни о ком в жизни так не заботился, а она...

Вот так мне отплатила. Проснулся и обнаружил, что ее койка пуста.

Убежала! Тварь...

Ну, теперь держись. Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать.

* * *

«Зачем это вспоминать? – Она сжала виски до боли. – Может, как-нибудь без этого?..»

Нет, нельзя, решила ее память. И значит, придется пройти через *это* снова, как бы тошно и мерзко ни было.

Его хохот до сих пор стоял у нее в ушах. В детстве кто-то из родственников отца купил ей на день рожденья заводного китайского клоуна, страшного и несуразного. Если покрутить ключик у него на спине, он смеялся – да так, что мороз пробирал. Жутким лающим смехом, в котором ей слышались нотки мстительной злобы. Она заводила его всего дважды, после чего механизм заклинило. Тогда она забросила уродца на дно ящика комода и забыла о нем. А как-то ночью внутри клоуна сдвинулась какая-то шестеренка и он ожил, как чудовище Франкенштейна. Так совпало, что в ту ночь

родители и брат разбежались по своим «делам», оставили ее, семилетнюю, совсем одну.

Сатанинский хохот тогда заставил ее подскочить с кровати. И долго-долго она не могла заснуть, стуча зубами и всматриваясь в ночь за окном.

На следующее утро она избавилась от этого подарка... А теперь монстр вернулся за ней в облике человека, если его можно так назвать. Только смех остался тем же.

Она пряталась. Таилась, прижавшись спиной к холодной стене, и старалась не дышать. В руке был зажат гаечный ключ – единственное оружие, которое удалось раздобыть. Она предпочла бы нож или даже шило, понимая, что ослабела и вряд ли сумеет нанести больше одного удара. О том, чтобы разбить ему голову, и речи не было.

– Куда ж ты денешься, когда разденешься... – мурлыкал ненавистный голос. – Любишь играть, да? Ну беги, прячься, так даже веселее. Выхода-то все равно нет.

Уже три дня они играли в прятки. Он водил, она пряталась, стараясь не оставаться подолгу на одном месте. За это время она всего раз позволила себе сомкнуть глаза. Да и какой это был сон? Четыре часа полузабытья в закутке размером со шкаф, когда все тело прислушивается к каждому шороху.

Рано или поздно игра должна была закончиться. Ограниченный завалами и затопленными участками «карман», в который они попали, был достаточно большим, но не настоль-

ко, чтоб бесконечно избегать встречи с человеком, который очень хочет тебя найти. Станция с подсобными помещениями да два с половиной километра тоннелей. Да еще множество каморок-сбоек, служебных ходов и тоннельчиков поменьше, ни один из которых не вел к спасению. Там, где раньше было воды по пояс, теперь создавалось обманчивое ощущение твердой поверхности. Но тонкий лед не выдерживал веса человека – а в ледяной воде смерть долго не заставила бы себя ждать.

До поры Настю спасали только темнота да еще то, что ее преследователь знал метро не лучше ее.

Они остались одни. Все остальные были мертвы: кто-то умер давно, еще в первый день, другие недавно. Не без его помощи.

– Цып-цып-цып. Кисонька моя, ты где? Хочу тебя... обнять.

Глумливый голос звучал совсем рядом, казалось, в десяти шагах. Но она знала, что это акустика подземных коридоров издевается над ней. Если б он был так близко, то уже схватил бы ее. Сутки назад он пару раз принимался стучать по трубам: «концерт по заявкам» был слышен в любой точке «кармана».

Нет, он был дальше, за пределами видимости... Хотя видеть она ничего не могла, потому что включить фонарик не согласилась бы за все блага мира.

– Куколка моя, ты где? Хочу к тебе...

Она слушала эти сальности в сотый раз и чувствовала в его словах режущую ухо фальшь. Он прикидывался похотливым животным, а на деле оставался человеком. Только люди сходят с ума. Она догадывалась, что вряд ли нужна ему как женщина и даже ее ценность как мяса не стоит на первом месте. Тут другое. Он просто боялся одиночества, особенно перед лицом смерти.

– Не хочешь, значит? Ну и сиди, сучка... А я перекушу. Они, конечно, не такие свеженькие, как ты, но тоже ничего. Как говорят некрофилы, старый труп лучше новых двух.

Он зашелся в припадке хохота, словно выдал блестящую остроту. Целую минуту эхо металось по коридору, делая его смех похожим на смех клоуна. Ей пора бы привыкнуть, но каждый раз, когда она слышала этот хохот, ее внутренности сжимал спазм.

– Дура... Боишься? Думаешь, я зверь, а? Если бы не я их, они бы нас уже обглодали.

На это ей нечего было сказать. Может, и так, но она скорее умрет, чем проведет еще день рядом с ним.

– А что мне с этими уродами было делать? – снова крикнул он. – Так хоть какая-то польза вышла. Давай пожуй и ты.

Что-то упало на лед в пяти метрах от нее. Она затаила дыхание.

– Да не бойся, это не то, что ты подумала... – вывел ее из оцепенения голос, ставший вдруг ласковым и участливым. – Просто гайка. Ты еще там, родная? Пойдем со мной. У меня

есть чипсы. Твои любимые, с беконом. А вот воды уже нету. Придется пить эту дрянь. Хорошо, у меня есть на чем кипятить. Хотя все равно инфекция до нас добраться не успеет.

Резь в пустом желудке напомнила ей, что у нее два дня во рту не было ни крошки. Но ее не купить такими обещаниями.

Молчание затянулось, и она превратилась в слух. Человек не приближался, но и не уходил. В абсолютной тишине она слышала его сиплое дыхание. Он тоже был простужен.

– Так что, идешь со мной? – Дружелюбие исчезло, голос снова стал холодным и скрипучим. – Выходи по-хорошему, задолбало за тобой лазить.

Она не проронила ни звука, готовая бежать, если он приблизится еще на метр.

– Не хочешь? Ну, тогда я пошел. Сиди и подыхай с голодухи.

И шаги, слышно, как ломается лед и летят во все стороны брызги. Уходит. Но он вернется, что бы ни говорил. Он всегда возвращается.

Она опять осталась одна. Немного выждав, включила фонарик. Тоннель был пуст. Она вздохнула с облегчением... и в этот момент до ее уха донесся тихий всплеск.

Тело ее напряглось. Она готовилась – нет, не удирать, уходить. Не бегом, а шагом, тихо и незаметно. Потом свернуть в ответвление служебного тоннеля, спрятаться в сбойке и замереть, превратившись в камень. Осталось точно опре-

делить направление, откуда он приближался. Под землей непривычному человеку трудновато ориентироваться.

– Солнышко, – позвал голос. Еще ближе.

Никуда он не уходил. Спрятался в какой-то нише и провел ее как ребенка.

Прятаться не имело смысла, оставалось – нет, не уходить, а бежать. Вода хлюпала под ногами. Резиновые сапоги безымянного работника метро были ей велики, носки продрались, кожа покрылась волдырями. Но это были мелочи, которых она уже не замечала.

Она никогда в жизни так не бегала, но все напрасно. Вскоре сильные руки обхватили ее поперек талии, легко оторвав от пола.

– Цап-царап.

День 20-й

Поймал, поймал! Теперь уж ты никуда. Запер от греха в тоннеле. Как бы не потерять – все двери похожи одна на другую. Смотрит на меня волком. Убила бы, если б могла.

Опять предлагаю мясо. Ни в какую, дура.

В баке осталось дня на четыре. Дальше придется кипятить ту, что в тоннелях. Радиация... Ну и что?

Вижу свое отражение в воде. Живой труп, бляха-муха. Ниче... Осталось недолго.

День 25-й

Хорошо вдвоем. Никто нам не мешает, могу проводить с ней все время. Она не возражает и, по-моему, даже не замечает моего присутствия. Бедная... Но теперь, по крайней мере, никто не запретит мне заботиться о ней.

Она напоминает ребенка-аутиста. Уверен, что не разучилась говорить, просто потеряла к этому интерес и оборвала все нити разом. Пусть она находится где-то в своем мире (мирах?), но мне все равно хорошо с ней. Если б не ожидание развязки, я бы мог назвать себя счастливым. Нет, я не боюсь смерти, но меня угнетает неизбежность расставания.

Больно смотреть на ее тело – как же она исхудала. Ребра того и гляди проткнут тонкую кожу, а сквозь нее – или я брежу? – можно увидеть сердце. Оно пульсирует, гонит вязкую остывающую кровь по венам и артериям, но с каждым ударом все медленнее и медленнее. Нет, наверно, мерещится.

Упорно отказывается от мяса. Ну ничего. Сумею ее убедить.

День 29-й

Прошлой ночью (или днем, я сбился со счета) это был последний раз, когда я слышал от нее связные предложения. Она не говорит, даже когда я к ней обращаюсь. Может только кивнуть или покачать головой и редко-редко когда выдавит из себя пару слов, а потом снова молчит. Почти все время проводит, сидя на кровати и глядя то в пол, то в потолок. Сердце кровью обливается. За что нам это? Что мы такого

сделали?!

(Хотите знать, что она мне тогда сказала? «Даже если ты последний мужчина на Земле, не буду с тобой. Провались, сволочь».)

Вот тварь. Думает, чистенькая такая, а я зверь, чудище долбаное. Ничего, я ее низведу до своего уровня. Есть одна идея: приготовлю гуляш, мелко накрошу и пожарю вырезки. Скажу: «Крысятина», и съест как миленькая.

Забавно. Аж руки трясутся от волнения.

День 40-й

This is the end.

Я болен. Наверно, вода. Неужели так быстро проявилась лучевая болезнь? Жар не спадает, строчки плывут перед глазами, не могу держать ручку. Думаю, *это* случится при любом раскладе, даже без моего участия. Но я хочу сделать *это* сам.

Чего ради я вообще пишу? Для археологов новой цивилизации, которые откапают наши кости?

Нет, мое послание из гроба не для них. Я пишу только для себя – отчет о проделанной работе. Пусть это будет единственное произведение, которое я закончил. Летопись необычного конца заурядной жизни.

Я благодарен ей – она помогла разобраться в себе. Открыть новые стороны. Я стал сильнее. Жаль, что встретились мы слишком поздно.

Даже не знаю, сколько градусов ниже нуля. Но разве это что-то меняет? Один хрен мы обречены. Если здесь, под землей, такое, представляю, что наверху.

Сегодня все должно закончиться. В обойме как раз два патрона. Я ведь должен был убить ее. Открыл дверь, наклонился над ней, поцеловал. Даже сейчас она такая красивая. Мне показалось, что она улыбнулась, хотя ясно, что не мне. И я понял, что не смогу. Оставил ее там. Ей придется умирать от жажды, она не сможет даже выйти из комнаты. Бедняжка.

С другой стороны, все к лучшему. Такая смерть искупит любой грех. Ее ведь угнетает что-то кроме нашей общей беды. «Неправильно жила» – уж не знаю, какой смысл она вкладывала в эти слова.

Все тело горит, в горле как будто трут наждачной бумагой. Но на душе радостно. Никогда раньше так себя не чувствовал. Всегда что-то мешало мне быть счастливым, даже когда у меня вроде бы было все. А теперь – чувство освобождения. Словно больной зуб вырвали.

Она спасется. Какой бы ни была ее вина, она все сполна искупила. Пусть ступает с миром. Да сам Христос не испытал десятой доли такого. Он умирал всего день, а мы тут гнием уже полтора месяца и с самого начала знаем, что наши страдания никому не нужны и никому не помогут. Богохульство? Мне уже нечего терять. Какой там на фиг ад – я уже в аду. Глубже этой бездны нет ничего.

Пора уходить.

Вспоминаю, что забыл закрыть ей дверь. Ну и что?

Почти ничего не вижу перед собой.

До чего же у нее красивый голос... Жалко, давно со мной не разговаривала.

Ты была права, солнышко. Выход есть, и я им воспользуюсь. А ты оставайся. До скорой встречи.

Чем дальше, тем меньше верю, что это произошло на самом деле. Это сон. Сейчас нажму на спусковой крючок, и все закончится.

* * *

Решиться на это было трудно. Она понимала, что здесь, внизу, верная смерть от голода, но подсознание говорило, что умирать зажатой между плитами в узкой щели еще хуже. Но на этот случай у нее был пистолет.

Чем дальше она ползла, тем уже становился лаз. Выходит, даже хорошо, что она так исхудала за эти дни. То и дело ей казалось, что стенки приходят в движение и смыкаются, как пресс. Но еще можно протиснуться вперед, хоть для этого пришлось бы оставить на острых краях лоскуты кожи и кло-чья волос.

Может, надо было снять ватник? Вдруг зацепится? Но если снимешь, долго ли сможешь протянуть, если наверху не найдется замены?

Она сможет, она хрупкая... Особенно теперь.

И вот она выбралась.

Первые же секунды наверху оказались кошмарным открытием. Это тоже был ад на земле, только новый круг. Часы показывали одиннадцать дня, но кругом было темно, как в полночь. Неба не было. Вместо него над головой снова нависли низкие своды подземелья.

Внизу тоже было холодно, но тамошний холод не шел ни в какое сравнение с поверхностью. Кроме жуткого мороза тут был еще ледяной ветер, от которого хотелось забиться обратно в вентиляционную шахту. И все же она пересилила себя и двинулась вперед, где ей померещились слабые отблески света. Лучше умереть здесь, чем там, внизу.

Глава 4. Дозор

Выл усиливающийся ветер. Это был единственный голос безмолвных руин, он то свистел, то рокотал, то завывал в пустых домах.

То, что раньше было городом, тонуло в сером снегу. Полуметровым слоем снег покрывал улицы, дворы, тротуары. В естественных оврагах тот слой превращался в трехметровый. К счастью, в Академгородке не было рытвин и расклин, которыми покрылся асфальт центральных районов города после наземного взрыва. Опасаться можно было разве что открытого канализационного люка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.